КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡

С. И. ВАХРИН

МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР

Часть VI

БРАТЬЯ СТЕПАНОВЫ

Санкт-Петербург
Свое издательство
2017

УДК 929(093)
ББК 63.3(2Камч)
В22

Вахрин Сергей Иванович
В22
Масонский заговор : часть шестая. Братья Степановы. — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. — 76 с. *(Серия «Камчатские ссыльные. Тайная история России»)*.

ISBN 978-5-4386-1396-1

© Вахрин С. И., 2017
© Свое издательство, 2017

В 1756 году масон Адам Васильевич Олсуфьев сообщал руководителю Тайной канцелярии Александру Ивановичу Шувалову о наличии масонской ложи семьи Воронцовых, имеющей пропрусскую ориентацию и объединяющую, как мы выяснили, многих кровных представителей царствующей фамилии.

Шуваловы не входили в это число, так как не блистали своим аристократическим происхождением и совершенно случайно, пользуясь только личным расположением Елизаветы Петровны, попали в число первых лиц империи, как и Алексей Григорьевич Разумовский и его брат Кирилл Григорьевич — сыновья обыкновенного казака. Александр Иванович Шувалов, сын военного в невысоких чинах, заведывал дворовым хозяйством царевны Елизаветы Петровны. Его звезда воссияла в день государственного переворота 25 ноября 1741 года, когда он вместе с братом Петром из обыкновенных дворовых завхозов царевны сразу превратились в царедворцев. Александр Иванович стал одним из руководителей Тайной канцелярии, которую в 1746 году и возглавил. В 1749 году их двоюродный брат Иван Иванович становится фаворитом Елизаеты Петровны, оттеснив ее тайного мужа и став самым влиятельным вельможей империи.

Михаил Илларионович Воронцов, столь же неродовитый, как и Шуваловы, был их постоянным компаньоном при дворе царевны, камер-юнкером и возвысился вместе с ними в один день.

Скоро все они были уже графами.

Поэтому рассматривать сообщение Олсуфьева о тайном масонском обществе как донос на своих братьев было бы неправильно. По мнению самого Олсуфьева, масонство не что иное, ***«как ключ дружелюбия и братства, которое бессмертно во веки пребывать имеет и тако наметшихся их общества, называемые просвещением, оных удостаивает»***.

Правда, совсем уже вскоре это «просвещение» удостоило императора Петра Федоровича, который был зверски убит гвардейцами по наущению масонов.

Вопрос в другом — а зачем нужен был Александру Ивановичу Шувалову этот донос, если масоном был первый царедворец, его собственный племянник Иван Иванович Шувалов, и брат тайного мужа Елизавеиты — Кирилл Григорьевич Разумовский, о чем в один голос говорят исследователи отечественного масонства.

Или Разумовские и Шуваловы по своему династическому статусу входили в другую масонскую ложу, ориентированную в своем политическом раскладе не на Пруссию, королем которой восхищался будущий император и бредило все «воронцово гнездо», идя даже, как фельдмаршал Апраксин, на прямое военное предательство? Его дело, кстати, тоже расследовал Александр Иванович Шувалов.

В 1754 году начинается сближение принцессы Екатерины Алексеевны с канцлером империи Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым, но в 1758 году семьям Шуваловых и Воронцовых удается свергнуть канцлера.

Тогда начинается сближение Екатерины с племянницей канцлера М. И. Воронцова — княгиней Е. Р. Дашковой, которое окончательно оформилось в конце 1761 года по вступлении на престол Петра III.

Мы уже не раз писали, что для достижения своих политических целей масоны не жалели ничего и никого.

Так было и на этот раз: «***Дашкова участвовала в перевороте против Петра III, несмотря на то что император был ее крестным отцом, а ее сестра Елизавета была его фавориткой и могла стать его новой женой. Задумав государственный переворот, и вместе с тем желая до времени оставаться в тени, Екатерина Алексеевна избрала главными союзниками своими Григория Григорьевича Орлова и княгиню Дашкову. Первый пропагандировал среди войск, вторая — среди сановников и аристократии. Благодаря Дашковой были привлечены на сторону императрицы граф Н. И. Панин, граф К. Г. Разумовский, И. И. Бецкой, Ф. С. Барятинский, А. И. Глебов, Г. Н. Теплов и др.***

Когда переворот совершился, другие лица, против ожиданий Екатерины Романовны, заняли первенствующее место при дворе и в делах государственных; вместе с тем охладели и отношения императрицы к Дашковой».

Обратим внимание на перечень лиц, которых Дашкова привлекла для участия в государственном перевороте: родственник пирожника Александра Меншикова Панин, сын казака Розума, незаконнорожденный сын князя Трубецкого Бецкой, незаконнорожденный сын Феофана Прокоповича Теплов.

Об Александре Ивановиче Глебове отдельная песня: «***Самый брак Г. с Чоглоковой был делом рук Шувалова. Заметив охлаждение к себе императрицы Елизаветы Петровны, Шувалов, по словам Г., «принял намерение сведать все намерения и действия меньшого двора, а особливо поелику они касались до брата его Ивана Ивановича», через лицо близкое к великой княгине Екатерине Алексеевне; наиболее удобной для такой роли он признал ее обер-гофмейстерину, но так как был с ней в дурных отношениях, то орудием для сближения с нею выбрал Г., которого стал убеждать попытать счастия с «изрядной вдовушкой». При посредстве И. И. Юшкова Г. познакомился с Чоглоковой 25 апреля 1755 г. и вскоре добился ее любви, победив соперника в лице***

барона Серг. Гр. Строганова. Карабанов рассказывает, что императрица, узнав о любви своей двоюродной сестры к Г., сказала: «сестра моя сошла с ума, влюбилась в Г., как отдать ее за подьячего?» и пожаловала его в обер-прокуроры, т. е. сделала ближайшим помощником генерал-прокурора. Расчет Шувалова оказался ошибочным: вследствие разных недоразумений Мария Симоновна была удалена от молодого двора и, следовательно, не могла играть той роли, для которой он предназначал ее. Самое супружество Глебовых было очень недолговременно: молодая была в последнем градусе чахотки и скончалась через полтора месяца после свадьбы, 19 марта 1756 г., оставив мужу несколько человек пасынков и падчериц, доставивших потом отчиму много хлопот» *(Русский биографический словарь. / Под ред. Н. М. Чулкова. М., 1914. Т. 4).*

Александр Иванович Глебов

И остается у нас из того списка только князь Барятинский, о котором писал Екатерине Орлов сразу после убийства ее мужа — императора: ***«Мы были пьяны, и он тоже. Он заспорил за столом с князем Федором. Не успели мы разнять, а его уже не стало…»***.

Именно князь Барятинский, по всей видимости, имеет к нашей нынешней истории самое непосредственное отношение: дело в том, что второй женой князя Сергея Ивановича Барятинского, капитана лейб-гвардии Измайловского полка, и матерью князя Федора Сергеевича Барятинского, примкнувшего 29 июня 1762 года к дворцовому заговору и участвовавшего 6 июля в убийстве императора, была Мавра Степановна Степанова (по другим источникам, Мавра Афанасьевна Савелова, в первом замужестве — Степанова, позже мы уточним ее отношение к роду Степановых).

Князь Барятинский, казалось бы, был единственным исключением из того списка безродных людей, на которых опиралась княгиня Дашкова, организуя вместе с гвардейцами дворцовый переворот. Но прадедушкой князя Федора Сергеевича был сам канцлер граф Головкин, потомки которого составляли ядро тайного общества семьи Воронцовых (с 25 апреля 1764 года князь был женат на фрейлине княжне Марии Васильевне Хованской — младшей дочери шталмейстера князя Василия Петровича Хованского и баронессы Екатерины Петровны Шафировой, дочери все того же вице-канцлера Шафирова… Как тесен был мир масонов в России!).

«Канцлер Гавриила Иванович Головкин обязан был скорому возрастанию своего положения в обществе родственным связям и дружбе с Нарышкиными. Сын бедного дворянина, владевшего всего пятью семьями крепостных в Алексинском уезде, он стал графом обеих империй, Священной Римской и Российской, и владельцем 25 тысяч крестьян. Фамилия Головкиных впервые появляется на Земском соборе 1598 года,

во время выборов Годунова на русский трон. На этом соборе на скамье духовенства восседал Евстафий Головкин, монах знаменитого Троице-Сергиева монастыря.У его племянника, Родиона Дмитриевича было два сына: Семен … и Лука… Семен женился на Акулине Ивановне Раевской, из семьи небогатых дворян, у которой была сестра Полина, также бывшая замужем за бедным дворянином Леонтием Леонтьевым, от брака с которым у них среди прочих детей была дочь Анна, вышедшая замуж за Кирилла Нарышкина. Она стала матерью царицы Натальи, крестным отцом которой был двоюродный дядя Иван Головкин, единственный сын Семена. Восшествие на трон Петра I обернулось для Ивана Головкина боярским чином и открыло его единственному сыну Гавриилу карьеру, которую тот и сделал. С успехом, но самым недостойным образом. Он имел заслуги, но, раболепствовавший перед царскими любимцами, был человеком льстивым и низким. Гавриил был скуп, более того, отвратительно скареден; корыстолюбив и до крайности любостяжателен. Как и вице-канцлер барон Шафиров, он состоял на жалованье у Мазепы…».

Несмотря на то, что фамилия Степановых — одна из самых распространенных в России (наряду с Ивановыми и Сидоровыми), фамилия ЭТИХ Степановых, о которых пойдет у нас речь, была особо выделенной в истории нашего Отечества. Секрет же, по одной из версий, заключается в следующем: эти Степановы происходят из древнего княжеского рода, берущего начало от серпуховско-боровских князей, предком которых был сын князя Михаила Андреевича, внук Ивана Калиты. То есть они были Рюриковичами, некогда потерявшими свой княжеский титул, перейдя на службу к великому князю.

Возможно такое? Сколько угодно — примеров знатных дворянских фамилий, потерявших связь со своими княжескими корнями, в отечественной истории предостаточно.

Канцлер Г. Головкин

При Великом князе Василии III Степановы жалованы были поместьями по Хопру. Один из них — новгородский думный дьяк Василий Степанов — был казнен Иваном Грозным в 1570 г. и внесен им в синодик. Но, тем не менее, в 1573 году, по завершению опричного террора, в «Списке опричников Ивана Грозного» перечислены многочисленные дворовые Степановы:

Степанов Безсонко Игнатьев
Степанов Беляй
Степанов Бориско
Степанов Васка («По 4 рубли…»)
Степанов Васка («Сторожи постелные»)

Степанов Васка («Хлебенного ж дворца… Сторожи»)
Степанов Васюк («По 3 рубли…»)
Степанов Васюк («У государевых лошадей у стряпни. По 4 рубли…»)
Степанов Гриша
Степанов Ивашко
Степанов Митка («По 3 рубли»)
Степанов Митка («Стряпчие конюхи. По 3 рубли…»)
Степанов Молашко
Степанов Петеляй Игнатьев
Степанов Савка
Степанов Юшко».

Вполне возможно, что все они или многие из них — однофамильцы. Но есть одна закономерность, объединяющая многих опричников, — как правило, они не были знатными или потеряли былую связь со своими родами и горели желанием возвыситься, поддерживая действующую власть во всех ее преступлениях, связанных с Опричным террором.

Позже, уже в Смутное время, мы находим сведения об одном из Степановых, которые чураются своей возможной связи с «ворами» и «ызменниками», в составе которых были многие из потомков опричников. Но это было скорее исключение из общего правила…

Сказка Митрофана Владимирова сына Степанова о службе своего отца Владимира Кириллова сына Степанова
{Л. 510) Сказал Митрофанко на очной ставке.

Отец мой Володимер Степанов служил царю Василью Ивановичи, в Нижнем в осаде сидел, и в походы с воеводою с Ондреем Алябьевым на воров ходил, и в посылках во многих был, царю Василью служил. А в ызмене негде не бывал, вором тушинскому, и колужскому, и псковскому, и иным

вором креста не целовал. И за ту службу дана отцу моему вотчина и вотчинная грамота.

Взять к делу.

РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Нижнему Новгороду, № 866/21135. Л. 404–420, 470–472, 476, 477, 481, 487–489, 491–493, 499, 500, 502, 504, 505, 507, 508, 510.

В восемнадцатом столетии дворяне Степановы имели уже свой герб.

Герб Степановых

Щит разделен с правого верхнего к левому нижнему углу на два поля — серебряное и красное, из коих в верхней части диагонально изображены три голубые полосы. На обоих полях стоит лев, обращенный в левую сторону, и держит передними лапами две полосы. Щит увенчан дворянскими шлемом и короной с тремя страусовыми перьями. Намет на щите красный, подложен серебром.

Ипполит Семенович Степанов, будущий камчатский ссыльный, в 1763 году жил в Саратовском уезде, в древних родовых местах, в деревне Дмитриевка, где имел 24 души м. п. и 14 душ ж. п. и был предводителем дворян Верейского уезда.

Здесь же, в деревне Степановка, в других деревнях и селах, проживали его небогатые однородцы.

Князь Лобанов-Ростовский составил подробную поколенную роспись рода Степановых, точнее, одной из ее ветвей — Моисея Савельевича, к которой Ипполит Семенович имел самое непосредственное отношение.

СТЕПАНОВЫ.

При великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ Степановы жалованы были помѣстьями по Хопру (въ нынѣшней Саратовск. губ.), доселѣ принадлежащими ихъ потомкамъ. Одинъ изъ нихъ, новгородскій думный дьякъ Василій Степановъ, былъ казненъ Іоанномъ Грознымъ въ 1570 г. и внесенъ имъ въ синодикъ.

I.

1. Ефремъ Степановъ.

II.

2. Ѳедоръ Ефремовичъ, атемарецъ (1670) . . . . . } 1.
3. Савелій Ефремовичъ, атемарецъ (1670—81) . . . . . } 1.
4. Иванъ Ефремовичъ, пензенецъ (1681) . . . . . } 1.

III.

5. Осипъ Савельевичъ, рейтаръ, пензенецъ (1677) . . . . . } 3.
6. Тимоѳей Савельевичъ, † до 1704. Ж. Елена Никитична N., во 2-мъ бракѣ за Сергѣемъ Ерофеевичемъ Ивинскимъ . . . . } 3.
7. Моисей Савельевичъ, рейтаръ, пензенецъ (1677—1713). . . } 3.
8. Иванъ Савельевичъ, рейтаръ (1677) . . . . . } 3.
9. Илья Ивановичъ . . . } 1685 сибирскіе помѣщики . . . } 4.
10. Василій Ивановичъ . . } 1685 сибирскіе помѣщики . . . } 4.

IV.

11. Семенъ Моисеевичъ, жилъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Ж. Агаѳія Михайловна Дурново . . . . . } 7.
12. Алексѣй Моисеевичъ . . . . . } 7.
13. Иванъ Ивановичъ, капитанъ Астраханск. гарнизона, † безд., 1758 . . . . . 8.

V.

14. Ипполитъ Семеновичъ, ротмистръ, депутатъ отъ дворянства Верейскаго уѣзда въ комиссіи уложенія 1767 г. (въ которой вышло у него столкновеніе съ граф. Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ, по поводу презрительнаго его отзыва о каргопольскихъ крестьянахъ, и въ коей онъ поддерживалъ притязанія историка кн. Михаила Михайловича Щербатова на привилегіи для дворянства). За сопротивленіе наказу Екатерины II сосланъ въ Камчатку, въ Большерѣцкій острогъ. Въ началѣ 1771 г. бѣжалъ оттуда въ числѣ заговорщиковъ съ Беньовскимъ; въ Ма-

кaо поссорился съ нимъ и въ январѣ 1772 г., при отзывѣ Беньовскаго въ Кантонъ, оставленъ былъ въ Макао. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна; вѣроятно онъ тамъ и умеръ (см. «Р. Стар.», 1876, III, 760) . . . . . 11.

15. Руфъ Семеновичъ, основатель гернгутерской колоніи въ Саратовской губерніи, извѣстный мистикъ, игравшій въ началѣ XIX вѣка весьма важную роль въ русскомъ масонствѣ, † слѣпымъ въ Москвѣ, 1828 . . . . . .

16. Петръ Семеновичъ, надв. сов., городничій города Мещовска, кандидатъ своего брата Ипполита по званію депутата въ коммиссіи уложенія 1767 г.; поклонникъ Вольтера и философовъ XVIII вѣка; р. 16 ноября 1739, † 28 ноября 1782; погребенъ въ Мещовскомъ монастырѣ св. Георгія. Ж. Пелагея Степановна Кашталинская, р. 1 мая 1752, † 23 дек. 1826 (старшая изъ трехъ дочерей оберъ-церемоніймейстера С. Ѳ. Кашталинскаго)

17. Дмитрій Алексѣевичъ, капралъ Ревельскаго драгунскаго полка (1768). . . . . 12.

VI.

18. Аркадій Руфовичъ, воспитывался въ Парижѣ, губернск. секр. (1801), † въ Подъячевскѣ, Саратовск. губ., Сердобск. уѣзда. Ж. Александра Дмитріевна Степанова, р. 1789, † 1837, погребена въ с. Рогожинѣ, Тульск. губ. и уѣзда . . . . . 15.

19. Александръ Петровичъ, р. въ с. Зеновкѣ 4 мая 1781, † 25 ноября 1837; служилъ въ 1799 при Суворовѣ въ Италіи, впослѣдствіи д. с. с., губернаторъ Енисейскій (1822—31) и Саратовскій (1836—37); извѣстный литераторъ, авторъ романа «Постоялый дворъ» и др. Ж. Екатерина Ѳедосеевна Быкова, † 15 февр. 1827, возвращаясь изъ Сибири . . . . . 16.

20. Александръ Дмитріевичъ . . . . . 17.
21. Павелъ Дмитріевичъ . . . . . 17.
22. Петръ Дмитріевичъ . . . . . 17.

VII.

23. Аркадій Аркадіевичъ, † въ Тулѣ, 3 февр. 1871 . . . . . 18.
— Анна Аркадіевна, р. 1815, † 1868, погр. въ с. Андрейщинѣ, Тульск. губ., Одоевск. уѣзда; 1) за гв. полковн. Иван. Петров. Щепотьевымъ; 2) за Николаемъ Яковлевичъ. Рикманомъ . 18.
— Софія Аркадьевна, р. 1817; за Миліемъ Адріановичемъ Аничковымъ (Руммель, № 290) . . . . . 18.
— Александра Аркадіевна, р. 1818, † 1885; за Христіаномъ Христіановичемъ Карлгофомъ . . . . . 18.
— Агнія Аркадьевна, р. 1820; за Николаемъ Михайловичемъ Верещагинымъ . . . . . 18.
— Юлія Аркадіевна, р. 1823, † 1889; за Тихономъ Платоновичемъ Каншинымъ . . . . . 18.

24. Петръ Александровичъ, р. 28 сент. 1805, † 30 марта 1891,

генер.-отъ-инф., царскосельскій комендантъ, другъ М. И. Глинки и Карла Брюлова. Ж. Вѣра Александровна Слуцкая (по первому мужу Вульфъ), р. 23 дек. 1818 . . . . . .
25. Николай Александровичъ, р. 21 апр. 1807, † 23 ноября 1877; извѣстный карикатуристъ и редакторъ «Искры» и «Будильника». Ж. Софія Сергѣевна Даргомыжская (сестра композитора), † 4 іюля 1882 . . . . . } 19.
26. Владиславъ Александровичъ, р. 1821, † 24 авг. 1864 . . .
27. Ростиславъ Александровичъ, † въ млад. . . . . .
28. Анатолій Александровичъ, † въ млад. . . . . .
— Людмила Александровна, р. 10 сент. 1822, † 18 февр. 1855 .
— Надежда Александровна, р. 1 мая 1825, † 5 февр. 1857; за Александромъ N. Соколовскимъ . . . . . .
— Марія Александровна; за Вас. Серг. Глинкой. . . . . }

VIII.

29. Анатолій Аркадіевичъ, р. 1839 . . . . . 23.
30. Александръ Петровичъ, р. 15 іюня 1850, камеръ-юнкеръ, состоитъ по М-ву Внутр. Дѣлъ . . . . . }
31. Николай Петровичъ, р. 23 ноября 1851, полковн., состоитъ при Главномъ Интендантствѣ . . . . . }
32. Михаилъ Петровичъ, р. 10 февр. 1853, ген.-маіоръ, состоитъ при Московскомъ генералъ-губернаторѣ . . . . . } 24.
33. Филиппъ Петровичъ, инж.-капит., начальн. дистанціи Самаро-Златоустовской ж. дор. въ Уфѣ, р. 3 іюля 1857. Ж. Надежда Ивановна Рудель, р. 7 іюня 1865 . . . . . }
— Екатерина Петровна, р. 16 дек. 1858; за полковн. Давыдомъ Александровичемъ Озеровымъ . . . . . }
34. Сергѣй Николаевичъ, р. 12 сент. 1844, электротехникъ. Ж. Александра Григорьевна Перетцъ. . . . . 25.

IX.

35. Николай Филипповичъ, р. 9 мая 1886 . . . . . }
36. Петръ Филипповичъ, р. 7 янв. 1891 . . . . . } 33.
— Вѣра Филипповна, р. 27 апр. 1885. . . . . }
— Марина Филипповна, р. 14 іюня 1887 . . . . . }
37. Александръ Сергѣевичъ, р. 20 ноября 1873 . . . . . } 34.
— Татьяна Сергѣевна, р. 27 февр. 1870 . . . . . }

Въ роспись не вошли:

1) Василій Петровичъ Степановъ, т. с., секретарь верховнаго тайнаго совѣта (1730).

2) Василій Васильевичъ Степановъ, т. с. Ж. Степанида Ивановна N. (во 2-мъ бракѣ за кн. Серг. Ив. Барятинскимъ, въ 3-мъ бракѣ за барономъ Аѳанасіемъ Алексѣевичемъ Соловьевымъ, † 1755). Отъ этого брака была дочь Анна Васильевна, р. 1725, † 1793; 1) за Серг. Алексѣев. Титовымъ, † 1750; 2) за Иваномъ Ивановичемъ Ларіоновымъ, † 1773.

Обратим внимание на примечание: в роспись не вошел Василий Петрович Степанов, секретарь Верховного тайного совета (1730), о котором князь Петр Долгоруков делал соответствующую отметку в списке высших должностных лиц империи: «***Василий Петрович Степанов, секретарь Верховного тайного совета и в этом звании — очень важное лицо***». Он занимал предпоследнюю строчку в иерархиии Табели о рангах, будучи тайным советником. Его сын — Василий Васильевич — и был в браке со Степанидой Ивановной N., на самом деле — с Марфой Афанасьевной Савеловой, дочерью Афанасия Тимофеевича Савелова, которая после второго брака и смерти князя Сергея Ивановича Барятинского вышла замуж в третий раз за Петра Федоровича Бутурлина.

Мать камчатского ссыльного Ипполита Семеновича, Степанова Агафья Михайловна Дурново была из рода Толстых.

Родоначальником одной из ветвей Толстых был ее прадед Микула Федорович Дурново, внук Василия Юрьевича Толстого (его родными братьями были Даниил и Василий, от которых пошли соответствующие известные дворянские фамилии Даниловых и Васильчиковых). Потомки Дурново были записаны в 6-ю часть (касающуюся представителей самых древних родов) Вологодской, Калужской, Костромской, Московской, Орловской, Санкт-Петербургской, Тамбовской и Тверской губерний.

Наиболее подробные сведения о нашем герое мы находим в интернет-проекте «Дворяне-Вики». Именно здесь впервые подвергнуто сомнение утверждение многочисленных историков (в том числе и замечательного генеалога князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского) о том, что Ипполит Семенович Степанов был сослан на Камчатку в связи со столкновением на Комиссии об уложении с фаворитом императрицы Григорием Орловым, и определена суть истинной причины этой ссылки:

СТЕПАНОВ ИППОЛИТ СЕМЕНОВИЧ

ФИО: Степанов Ипполит Семенов сын [1] (м.)
ГОДЫ ЖИЗНИ: Ок. 1732 г. —?
СОСЛОВНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ: Дворянин.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ:

Депутат от дворян Верейского уезда в Уложенной комиссии.

Явился в комиссию 19 июня 1767 г.

На 7 заседании Комиссии, 14 августа 1767 г., вторник, был баллотирован в комиссию о разборе наказов. Получил 140 избирательных и 317 неизбирательных голосов.

На 9 заседании, 21 августа 1767 г., принимал участие в обсуждении наказа, данного депутату Каргопольского уезда от черносошных крестьян Василию Белкину, и сказал, «что крестьяне Каргопольского уезда ленивы и отягощены, утороплены и упорны. Если же у них недостаточный урожай в хлебе, то им полезнее заниматься хлебопашеством, чем другими промыслами, поэтому и не следует увольнять их от работы с апреля месяца. По прочим статьям Каргопольского указа Верейский депутат предлагал не дозволять крестьянам продавать свои земли; на каждые 2000 душ определить досмотрщика, на всякой почту назначить комиссара и, наконец, содержание мостов возложить на тех обывателей, которые живут в ближайшем от них расстоянии. <…> По окончании чтения всех <…> мнений и замечаний маршал вызвал Капорского депутата от дворянства графа Григория Григорьевича Орлова, который объявил ему, что Верейский депутат от дворянства г. Степанов в возражении своем сделал два противоречия: во-первых, назвал крестьян Каргопольского уезда ленивыми и отягощенными, чего вместе быть не может, и во-вторых, утороплеными и ленивыми, каковые свойства также одно с другим не согласуются. К сему граф Орлов прибавил, что подобные названия, относящиеся ко

всем вообще крестьянам, не должны быть употребляемы при обсуждении дела, и он полагает, что выражения сии, обращенные в порицание всех крестьян, были помещены по ошибке писца, а не по мнению депутата. Может быть, он хотел сказать, что только некоторая часть крестьян имеет означенные недостатки, ибо между всякого рода людьми есть хорошие и дурные. В заключении Копорский депутат сообщил маршалу, не признает ли он нужным спросить у Верейского депутата, справедливо ли высказанное им предположение, что в мнение сего депутата вкрались ошибки писца, как ему это кажется. <…>. Все, сказанное Копорским депутатом, было немедленно записано, и маршал, прочитав собранию это мнение, спросил у него, согласно ли оно призвать Верейского депутата к объяснению. Собрание изъявило на это свое согласие, и г. Степанов по призыве его отвечал, что требуемое от него объяснение он сообщит письменно».

На 16 заседании, 3 сентября 1767 г., понедельник (10.00 — «третья четверть первого часа»), «читано изъяснение г-на депутата Верейского от дворянства **Ипполита Степанова** на поданной голос от г-на депутата Капорского графа Григория Орлова. В нем написано, что он в поданном от него голосе не о всех, но о большей части крестьян разумеет и примеченное им в нравах крестьян изъяснить почел за должность».

На 18 заседании, 5 сентября 1767, среда (10.00 — «в исходе первого часа»), баллотирован в «частную Комиссию о правах всем и каждому особливо, или разделении государственных чинов, т. е.: дворян, мещан и земледельцев». Получил 94 избирательных и 345 неизбирательных голосов.

На 24 заседании, 17 сентября 1767 г., понедельник (9.45 — «вторая четверть первого часа»), был баллотирован в «Юстицкую» комиссию. Получил 138 избирательных и 256 неизбирательных голосов.

На 25 заседании Комиссии, 17 сентября 1767 г., согласился с возражением депутата от Ярославского дворянства

кн. М. М. Щербатова, поданным на мнение депутата от города Енисейска Степана Самойлова. Оба касались законодательства о дворянстве, читавшегося на 21 заседании, 11 сентября 1767 г. К возражению кн. М. М. Щербатова **И. Степанов** добавил, что «губернаторам в Сибирской губернии не дозволено производить в дворянское достоинство, потому что оно, кроме самого государя, никем иным пожаловано быть не может».

На 26 заседании Комиссии, 21 сентября 1767 г., согласился с возражением депутата от Ярославского дворянства кн. М. М. Щербатова на голос депутата Днепровского пикинерного полка Якова Козельского.

На 66 заседании Комиссии, 22 ноября 1767 г., высказал свое опровержение на мнение депутата от Кромского дворянства А. Похвиснева, представленное последним 19 ноября на 64 заседании Комиссии. **И. Степанов** представил, «что купцы обязываются векселями для прибыли, а дворяне по нужде, и что последствия, происходящие от писания векселей дворянами, часто служат к их разорению. За тем он сообщил свое мнение, чтобы дворянам разрешено было занимать деньги по аттестатам и брать имения их под заклад в банки, которые на сей конец необходимо устроить в провинциях. Объясняя подробное свое об этом мнение и почитая закладные вредными, он думает, что по изложенным им правилам и купцу можно одолжать дворянина». Согласился с мнением депутата от дворянства Любимского уезда, касавшимся привилегий Лифляндской, Эстляндской и Выборгской губерний.

На заседании 21 февраля 1768 г. передал депутатские полномочия сыну, капитану Степанову Петру Ипполитовичу.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА:

В службе с 1752 г.;

05.07.1762 г. переведен поручиком в Нарвский карабинерный полк;

12.11.1763 г. отставлен «на свое пропитание по манифесту о вольности дворянской и за слабостью здоровья» подпоручиком;

отставной ротмистр;

ротмистр (на 1763 г.).

ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА: Экономический казначей в Дмитрове (1766).

БЫЛ ПОД СУДОМ/СЛЕДСТВИЕМ:

За планы по свержению Екатерины II вместе с капитаном Преображенского полка Николаем Озеровым, капитаном Василием Пановым, отставным майором Ильей Афанасьевым и отставным премьер-майором, Одоевским депутатом Никитой Жилиным был сослан на Камчатку, в Большерецкий острог, где в 27 апреля 1771 г. участвовал в бунте и сбежал с группой лиц, в т. ч. с поляком М. А. Беньовским. Беглецы захватили галиот (род судна)»Св. Петр» и на нем отплыли, побывали в Японии, на о. Формозе (Тайвань). Здесь они продали судно и зафрахтовали два французских корабля, решившись плыть во Францию. В апреле 1773 г. прибыли на о. Мадагаскар. Во время путешествия И. Степанов вел записки. Есть сведения, что со своими спутниками у него вышла стычка в порту Макао, после чего Беньовский уехал в Кантон, а Степанов остался в Японии. Дальнейших сведений о его судьбе нет, видимо, он умер в Японии.

Другой источник указывает, что Степанов, несмотря на то, что А. Беньовский характеризовал его как человека вздорного, пьяницу, спорщика, скандалиста, завистника и честолюбца, был на самом деле личностью значительной. В Большерецком бунте 1771 года он играл роль идеолога. В Чекавинской гавани на Камчатке Степанов составил документ, в котором обличал Екатерину II, порицал ее абсолютизм. Согласно этому источнику, он не остался в Японии, а жил в Лондоне. По пути беглецы обогнули и Азию, и Африку, совершив грандиозное путешествие. Императрица

простила его и предложила вернуться, но Степанов отказался.

ИМЕНИЯ:

Московская губ., Верейский у.:

- пустошь Божино, Верейский/Можайский у., Московская губ. (Крапивенского стана);
- сц. Иевлево, Верейский/Можайский у., Московская губ..

Саратовская губ.:

- Дмитриевка, Саратовская губерния.

ДУШ (ВСЕГО): В Дмитриевке Саратовской губернии, 24 души м. п. и 14 душ ж. п.

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: Согласно предположению Семевского, являлся автором работы № 23, представленной на проводимый Вольным экономическим обществом конкурс работ о том, должны ли крестьян иметь собственность. Основание — сходство характеристики крестьян в этой работе с высказыванием Степанова в Уложенной комиссии на заседании 21 августа 1767 г. («крестьяне Каргопольского уезда ленивы и отягощены, утороплены и упорны»).

Уже на Камчатке письменно изложил причины своего недовольства работой Уложенной комиссии.

ФРАГМЕНТЫ ТЕКСТОВ, ЦИТАТЫ: *РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 409:*

«Новые законы сочинять депутаты хотя и собраны, с тем, чтобы пояснять об тягощениях обществу и полагать свои мнения. А как собрались, тогда дали наказ и обряды. И всего посмотрите: какое депутаты имеют право на себя законы полагать, когда недалее велят трактовать, как то единое, что в Наказе написано, следственно не сами они на себя полагают закон, и велят повиноваться тому, что пристрастию угодно, требуют, что дела продолжают, и чрез того отягощение чувствуют, а Наказ повелевает оные неторопно решить. Народ от

того не получает правосудия. Что апелляций много и к до государя доступу не имеют: а Наказ еще больше прибавляет судебных мест, а полновластие не мало ни ограничивается». <…> «А в России начальники единое только имеют право делать людям несчастие…». «<…> должно с сожалением сказать, сколь нещастлив народ российский <…> не получает облегчения, а всего больше усиливается начальник, а не закон». «Народ российский терпит единое тиранство». «Понеже в России не только крестьяне, но и дворянства малейшая часть обучается наукам <…> Вот причина рабства, что богатый человек имеет случай угнетать бедных людей. Ежели он и мало знает законов, то судьи ему за деньги помогают растолковать сему бедному народу в пользу богатого Указы, а богачи их исходатайствуют от Сената в свою пользу». «Государь есть — человек, а особливо такой, каков был Борис Годунов <…>». «<…> теперь, когда дворянство мало просвещено, не имеет сил и не позволено пешися о своем Отечестве, а каждый старается только в том сделать подлым образом от начальника милость и чин. А получа оный, быть вредом народным, понеже в сем чине жалованье само беднейшее, кто вышней у нижнего отнять властен и отрешить от должности». «Грабя народ и из общественной казны богатящиеся, из-за неправосудия наказания не получающие, оканчивают жизнь благоденственно <…> невзирая, что Отечеству вредно». «<…> всякий знает, что в России за истинную заслугу Отечеству ни о ком еще народу неизвестно. И кто награжден был, кроме как Шуваловы проекты об гнании вина и соли <…> Да за убийство государей своих и нарушение присяги ныне прославлены. И из таких людей, которые не только делом, но мыслями Отечеству не доказали полезного и к высоким делам допущены <…>». «Есть самым доказательством Камчатская земля: какое попечение имеет правительство о народе. Народ данной

натуральную наклонность имел к добру, и никаких обманов между ним не было, а еже <ныне> непорядочные законы и самовластие начальников не только к злым обычаям вредным интересам приучены. Поморены оспою в 768 году. Понеже о сех болезнях они никаковых понятиев не имели, а правительство не предуведомлено, ни лекарей никаких в таком отдаленном месте не заведено, и о том им не растолковано. Когда не сохранять их, то зачем же тратить государственные интересы, но и более терять национальных <русских> людей для сыскания и завладения дикого народу, а оставить лучше с их обычаями <…>».

Итак, версии о ссылке Степанова на Камчатку за «сопротивление Наказу» и ссору с всесильным временщиком Григорием Григорьевичем Орловым — просто чушь, запущенная в официальную историю его высокими покровителями. Орлов получил сатисфакцию — Степанов публично признал, «что он в поданном от него голосе не о всех, но о большей части крестьян разумеет и примеченное им в нравах крестьян изъяснить почел за должность». Григорий Орлов был удовлетворен объяснением Степанова (более того — он изначально считал эти слова опиской писца: «Верейский депутат от дворянства г. Степанов в возражении своем сделал два противоречия: во-первых, назвал крестьян Каргопольского уезда ленивыми и отягощенными, чего вместе быть не может, и во-вторых, утороплеными *(торопливыми — С. В.)* и ленивыми, каковые свойства также одно с другим не согласуются»).

Причина ссылки гораздо более серьезная, нежели нам пытаются это внушить на протяжении более чем двух столетий: «За планы по свержению Екатерины II вместе с капитаном Преображенского полка Николаем Озеровым, капитаном Василием Пановым, отставным майором Ильей Афанасьевым и отставным премьер-майором, Одоевским депутатом Никитой Жилиным»

Что могло связывать между собой всех этих людей?

В книге *Елены Никулиной и Игоря Курукина «Повседневная жизнь Тайной канцелярии XVIII века»* мы найдем некоторые подробности:

«В том же** (1765, на самом деле, в 1769 — С. В.) **году к следствию были привлечены преображенский капитан Николай Озеров и его друзья — бывший лейб-компанец Василий Панов, отставные офицеры Ипполит Степанов, Никита Жилин и Илья Афанасьев. Заговорщики не просто ругали императрицу и ее фаворита — критике подвергалась вся внутренняя и внешняя политика Екатерины. "Прямые сыны отечества" (так называли себя приятели) были возмущены тем, что не выполнены "при вступлении '…' разные в пользу отечества обещании, для которых и возведена на престол". О каких обещаниях в данном случае шла речь, не вполне понятно; но другие упреки были конкретизированы: "народ весь оскорблен", "государственная казна растащена" и делаются заграничные займы, "не рассматриваны" полезные предложения Сената, "дано статским жалованье бесполезно"; гвардия пребывает "в презрении", а Орловы за границу "пиревели через аднаво немца маора двацать милионов"; в екатерининском "Наказе" "написана вольность крестьяном; это де дворяном тягостно, и буде разве уже придет самим пахать"; наконец, осуждался разрыв с Австрией, "с коею всегда было дружелюбие". Заговорщики планировали возвести на престол Павла, надеясь, что при нем земли дворянам раздадут "безденежно" и ликвидируют откупа, поскольку "винный промысел самый дворянский". Екатерину же намеревались заточить в монастырь; а если бы она пыталась вырваться оттуда, то "во избежание того дать выпить кубок, который она двоим поднесла". Озеров накануне ареста успел приготовить план Летнего дворца. Но Степанов имел

неосторожность проговориться вдове-полковнице Анне Постниковой, которая спешно донесла на приятеля.

Это едва ли не самое серьезное "дело" той поры интересно проявившимся в документах следствия кругом представлений гвардейских офицеров нового поколения. Темы их разговоров уже не сводились только к чинам и "деревням" — они обсуждали и внешнюю политику, и реформу государственной службы, и состояние казны (заграничные займы). В то же время критика существовавшего порядка велась ими с точки зрения специфических военно-служилых интересов: императрица недопустимо "заигрывала" с крестьянским вопросом, "статским" неведомо за что давали постоянное жалованье, а купцы-откупщики теснили "самое дворянское" винокурение. "Сыны отечества" (более просвещенные, чем их собратья первой половины столетия) считали возможным предотвратить "падение" страны только с привлечением "больших людей '…', которые издавна народ любят": К. Г. Разумовского, Ф. М. Воейкова, А. И. Глебова, графов Паниных. Из дела следует, что таких попыток у заговорщиков не было, как не было у них и опоры в солдатских рядах».

Любопытно, что в данном случае, независимо друг от друга, повторяются, как и в заговоре Батурина, братьев Гурьевых-Хрущовых, одни и те же имена «больших людей» — Кириллы Разумовского, графов Паниных…

Случайно ли это?

А ведь это были известные русские масоны и главные заговорщики в дворцовом перевороте, который привел на трон Екатерину II.

Случайно ли и другое? Петр Семенович Степанов, родной брат Ипполита Семеновича, выпускник Шляхетского корпуса, был ***«поклонником Вольтера и философов XVIII века»***, о чем пишет князь Лобанов-Ростовский и что

означало в переводе на современные понятия, что Петр Семенович был, как и Радищев, республиканцем.

И вот теперь, говоря о Радищеве и радищевых, мы снова вспомним опричников Ивана Грозного:

В известных «Записках князя Петра Долгорукова» мы находим следующее: ***«В бумагах, завещанных мне уважаемым Павлом Федоровичем Карабановым, находится любопытный список семей, ведущих свое начало от опричников Иоанна Грозного; я привожу здесь этот список в качестве исторического документа, и пользуюсь случаем еще раз и окончательно объясниться по поводу фактов, содержащихся в этих "Записках". Я твердо и непоколебимо убежден, что дурные деяния, совершенные предками и родственниками, ни в чем не могут запятнать добропорядочность их детей и потомков; славные деяния, таланты, добродетели имеют отношение и к их потомству; преступления же и тем паче злодеяния отношение имеют лишь к тем, кто оные совершил. Среди семей, ведущих свое происхождение от опричников, многие искупили преступления своих предков службою на благо страны, а три семейства из этого списка даже внесли свой вклад в дело русских свободолюбивых мучеников, имена которых всегда будут глубоко почитаться (Рылеев, Радищев, Ивашев)»***.

Кстати, мы часто вспоминаем Адама Васильевича Олсуфьева, так вот князь П. В. Долгоруков и о его происхождении сообщает то же самое: ***«Олсуфьевы происходят от Михаила Олсуфьева, опричника Иоанна Грозного, пожалованного им думным дворянином. … Его потомки оставались в полнейшей безвестности до начала царствования Петра I, при котором Матвей Дмитриевич Олсуфьев и его брат Василий начали свою службу в качестве простых слуг. Матвей, вкрадчивый и хитрый придворный, вошел в доверие к Екатерине и стал обер-гофмейстером ее двора, а его***

брат Василий получил ту же должность при царском дворе. Василий Олсуфьев, овдовев в первом браке, тотчас же вновь женился на шведке, Еве Холлендер. Она родила ему сына: Петр I, согласившись быть его крестным, сказал по этому поводу: "Первая Ева вышла из ребоа Адама, ну а на этот раз Адам вышел из Евы". Новорожденного крестили именем Адам; позднее он стал государственным секретарем Екатерины II и был отцом первого графа Олсуфьева».

Можно согласиться с князем Долгоруковым в отношении того, что служение потомков Отечеству искупает преступления предков. При условии, что это «служение» не подчинено все той же цели, что и у опричного бесовского Ордена кромешников, и не направлено на разрушение этого самого Отечества и его Православного ядра, к чему призывали и вели масоны Олсуфьев, Рылеев, Радищев и Ивашев…

Почему мы вспомнили об этом? Потому, что Шляхетский кадетский корпус, в котором преподавали в основном иностранцы и который окончил вольтерьянец Петр Семенович Степанов и Адам Васильевич Олсуфьев, как утверждают специалисты по истории русского масонства, и был рассадником этих революционных — «свободолюбивых» — идей, которые и привели в конечном итоге к декабризму, революционному террору и очередной Великой Смуте 1917 года: ***«Масонами были многие из высших сановников, офицеры гвардейских полков, учителя и воспитатели Шляхетского Кадетского Корпуса, большинство профессоров созданных при Елизавете высших учебных заведений — Московского Университета и Академии Художеств. Молодежь, воспитывавшаяся в этих учебных заведениях, вводится воспитателями в круг идей вольтерьянства и масонства. Шляхетский кадетский корпус, в котором получали воспитание дети русской аристократии и русского дворянства, становится очагом масонского просвещения. В корпусе получили воспитание многие из***

видных русских масонов Елизаветинской и Екатерининской эпохи. В нем учились Болтин, Сумароков, будущий обер-прокурор Святейшего Синода П. И. Мелиссино, историки Болтин и М. М. Щербатов и другие.

Воспитание, которое получала русская молодежь в Шляхетском корпусе и в Московском Университете, — носило космополитический характер. Ничего русского в этом воспитании не было. Русские образованные люди с каждым поколением все дальше удалялись от русского миросозерцания».

Петр Семенович был женат, как сообщает Михаил Семевской в родословной Степановых, на Пелагее Матвеевне Кашталинской, дочери Матвея Федоровича Кашталинского, церемониймейстера (1741–1765), управляющего церемониальной экспедицией при Коллегии иностранных дел, сенатора (1797), действительного статского советника, который состоял в ложе «Равенства» и был известным масоном. Сыном Петра Семеновича и, соответственно, племянником Ипполита Семеновича был первый енисейский губернатор, друг ссыльных декабристов масон Александр Петрович Степанов («В 1815 г., будучи в Петербурге, С. вступил в масонскую ложу «Les amis réunis»; любопытное описание принятия в ложу, сохранившееся в бумагах С., напечатано в «Русской Старине» (1870 г., т. I); там же помещено и письмо С. по этому же поводу к дяде его, известному московскому масону Руфу Семеновичу Степанову» — «РБС»). Филипп Петрович Степанов, о котором пойдет речь ниже, приходился ему внуком, а Николай Филиппович — правнуком.

И вот что интересно. 29 ноября (10 декабря) 1798 года Павел I издал высочайший Манифест об установлении в пользу российского дворянства ордена Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийский командорский крест) и Правила для принятия дворянства Российской империи в сей орден.

Боровиковский В. Л.
Портрет Павла I в костюме гроссмейстера Мальтийского ордена. 1800. Холст, масло. 266х202 см. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

В годы правления Павла I орден Св. Иоанна Иерусалимского стал, по существу, высшим знаком отличия, жалуемым за гражданские и военные заслуги. Пожалование же командорства превосходило по своему значению даже награждение орденом Св. Андрея Первозванного, так как этим выражалось личное благорасположение государя. В день своей коронации 5 апреля 1797 года Павел I объединил существующие в России орденские корпорации в единый Российский кавалерский орден, или Кавалерское общество Российской империи. Однако в него не вошли кавалеры орденов, учрежденных императрицей Екатериной II, — Св. Георгия и Св. Владимира.

Этой высшей в империи наградой был удостоен подпоручик Александр Петрович Степанов за некую малость: «***…был переведен прапорщиком в Московский гренадерский полк, который вошел в состав войск, двигавшихся в Италию под предводительством Суворова; юноша назначался то ординарцем, то адъютантом, находился в свите у Кушникова и Багратиона, а потом поступил в штаб самого Суворова, который, узнав, что С. хорошо владеет пером, поручал ему писать ответ на поздравительные оды, которые присылались во множестве в главную квартиру, и в шутку называл его "своим маленьким Демосфеном"; довольный сочиненными С. словами к одному "польскому", Суворов наградил его командорским крестом ордена Иоанна Иерусалимского — "РБС"***».

Пренебрежение к Ордену появилось уже после убийства императора Павла I. На самом деле этот Орден в свое время объединял главных русских масонов и их потомков, в числе которых был и Александр Васильевич Суворов (отец которого исполнял самые щепетильные поручения правительства, а сын его стал Рымникским за подавление восстания Емельяна Пугачева), и князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, сдавший в 1812 году Москву французам,

и подпоручик Степанов, племянник Руфа (Руфина) Семеновича, будущего главы российских розенкрейцеров, являвшихся главными идеологами декабристов, попытавшихся неудачно, как и их предшественники — камчатские ссыльные — совершить очередной (что становилось уже российской практикой) государственный переворот, чтобы устранить от власти царевича Николая Павловича, приход к власти которого не устраивал целый ряд европейских государств, прежде всего, — Англию и Францию.

«Руф Семенович Степанов — коллежский асессор, губернский землемер при Саратовском Наместническом правлении (1782), устроитель колонии гернгутеров, мистик и масон первой четверти XIX столетия. Основал близ Сарепты первую в России колонию гернгутеров, бежавших из Германии от религиозных преследований. Последние годы своей жизни он жил в Москве, где играл видную роль среди масонов и после смерти Поздеева сделался главою масонских лож, когда они были запрещены правительством. Умер в Москве слепым, в 1828 г.».

Не маловато ли биографии для того, чтобы стать главой всех российских розенкрейцеров?

Но большего о нем мы пока не нашли. Впрочем, есть кое-что: ***«…до 1783 года через Пензу летом в июле, вероятно, по Екатерининской дороги из Саратовской губернии после посещения немецких колоний на Волге возвращался вот этот малоизвестный у нас, но очень интересный человек: Иоганн фон Бебер Johann von Böber 22 декабря 1746 (Веймар) — 14 июня 1820 (СПб.) — энтомолог, ботаник, масон, путешественник, педагог, действительный статский советник. Занимался педагогической деятельностью: состоял "по инспекторской должности в артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе", затем директором училищ Екатеринославской губернии. В ходе путешествий по Югу России собрал коллекции растений,***

насекомых и минералов. Собирал материалы по фауне насекомых Санкт-Петербурга и его окрестностей. Член Вольного экономического общества, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук с 22 февраля 1796 года. Играл видную роль в петербургских масонских ложах шведской системы. Около 1803 года во время аудиенции у императора Александра I убедил его выступить покровителем масонства.

Бебер, один из виднейших представителей масонства в России. Вступил в масонский орден в 1776 г., участвовал на всеобщем масонском конвенте в Вильгельмсбаде в 1783 г. 9 ноября 1778 г. Бебером была основана ложа Трех Секир в Ревеле по шведской системе, закрывшаяся 29 ноября 1785 г.; кроме того, он был великим секретарем Провинциальной или Национальной ложи. Беберу принадлежала выдающаяся роль в реставрации масонства в России, подвергшегося крутым стеснениям со стороны правительства под влиянием французской революции. По некоторым известиям дело представляется в таком виде, будто Бебер исхлопотал аудиенцию у Императора Александра I и сумел так доказательно защитить масонство, что Император разрешил свободное существование масонства и даже сам пожелал быть принятым в орден. Сам Бебер в своей записке о масонстве в России *(напечат. в "Allgemeines Handbuch der Freimaurerei", Leipz., b. III, 612–615)* ***рассказывает, что им была представлена Имп. Александру записка о масонстве, которая имела результатом официальное признание масонских лож в России (в авг. 1810 г.). Во всяком случае выдающееся участие Бебера в этом деле не подлежит сомнению, так как из официальных источников известно, что гражданская власть вела свои сношения с масонами чрез Бебера (ему, например, возвращены были все рассматривавшиеся министром полиции акты управляющих ложами). С 1810 г.***

Бебер является гроссмейстером Директориальной ложи Владимира к Порядку; в 1814 г. он оставил это звание вследствие несогласий, возникших среди масонов из-за вопроса о высших степенях, столь развитых в шведской системе, представителем которой был Бебер, имевший высшую степень "викария Соломона". Кроме того, Бебер управлял, в качестве мастера стула, ложей "Александра к Коронованному Пеликану" и был (до 1815 г.) гроссмейстером Провинциальной ложи. В делах масонства Бебер всегда играл руководящую роль; его имя пользовалось широкой известностью, так что заграничные масоны направляли корреспонденцию по делам ордена преимущественно на его имя. Бебер имел чин действ. ст. советника» *(Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб. 1871; Материалы для истории масонских лож // Вестник Европы. 1872. Январь, февраль и июль; Хронологический указатель русских лож. СПб., 1873).*

А устроителем первой немецкой колонии на Волге, в сердце России, в которой побывал Бебер, как раз и был «губернский землемер» Руф Семенович Степанов.

Интересно и другое. Последовательным продолжателем дела отца стал его сын Аркадий Руфович Степанов. Вот цитата из «Записки о собраниях масонской ложи в Москве» 1818 года Дмитриева-Мамонова: «Совершено принятие в Ученическую степень надворного советника Аркадия Руфовича Степанова, помещика Пензенской губернии».

«Степанов Аркадий Руфович. Ок. 1779, Тульская губерния — 1822/3, Подъячевск (с. Подъячево), Сердобский уезд Саратовской губернии. Отставной поручик. Надворный советник. В 1821 предводитель дворянства Сердобского уезда. Помещик Пензенской губернии».

Аркадий Руфович был женат на своей троюродной сестре — Александре Дмитриевне Степановой. В этом нет ничего предосудительного, но Александра Дмитриевна,

в свою очередь, была родной сестрой Павла Дмитриевича Степанова.

А это уже не просто интересно.

Вот какую запись находим мы в «Родоводе», посвященном роду Степановых: ***«В Месяцеслове за 1815 год в числе служащих Сердобского уездного земского суда упоминается титулярный советник ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ СТЕПАНОВ. Павел Дмитриевич происходил из древнего дворянского рода Степановых, владевших в Сердобском уезде соседними со Жмакиным селами — Песчанкой и Подъячевкой. Его отец Дмитрий Алексеевич, капрал Ревельского драгунского полка, фигурирует среди землевладельцев Саратовской губернии в 1782 году.***

П. Д. Степанов упоминается в «Русской родословной книге» В. В. Руммеля, однако ни годы его жизни, ни имя жены не указаны и потомство его не показано.

Двоюродным дядей Павла Дмитриевича был известный русский масон и мистик Руф Семенович Степанов. Он основал в Сарепте Саратовской губернии колонию гернгутеров — пламенных последователей моравских братьев, переселившихся из Германии. В Москве Руф Семенович сделался главой ложи розенкрейцеров.

Внучкой Руфа Семеновича была мать Александры Милиевны Аничковой-Каракозовой-Владимировой — Софья Аркадьевна Степанова. Это значит, что на протяжении семидесяти лет семьи Каракозовых и Степановых породнились как минимум дважды».

Продолжения этой родословной ветви нет ни у князя Лобанова-Ростовского, ни у Михаила Семевского — генеалоги ее просто обрубают как несуществующую. И для этого были очень серьезные причины.

«Ларчик» открывался просто — женой Павла Дмитриевича Степанова была Анна Ивановна Каракозова, родными племянниками которой были террористы-«цареубийцы»

Дмитрий Владимирович Каракозов и Николай Андреевич Ишутин. А правнучка Руфа Семеновича Степанова, Александра Милиевна Аничкова была женой родного брата Дмитрия Каракозова — Николая Владимировича Каракозова, который впоследствии, скрываясь от фамильного позора, стал писаться Владимировым ***(«Николай Владимирович Каракозов (Владимиров) (28.11.1833–16.11.1880) — сын Владимира Ивановича Каракозова, губернский секретарь. Уже достаточно поздно — в 1869 году — Николай женится. Его женой становится девушка на шестнадцать лет моложе, Александра Милиевна Аничкова (1839–1899). Аничковы — старинный дворянский род, и что заставило родственников выдать молодую девушку за небогатого, незнатного, необразованного сельского помещика с сомнительной репутацией? Поговаривали, что дядя купил Александре Милиевне мужа. Подноготная этого брака совершенно непонятна. У них дети: Аркадий (1870—?), ровесник и товарищ А. И. Куприна, Софья (1871—?) и Ольга (1875—?)»)***.

Дедом знаменитого террориста Дмитрия Владимировича Каракозова, стрелявшего из пистолета в императора Александра II, был Иван Федорович Каракозов: ***«Из копии с формулярного списка о службе подпоручика Ивана Федорова Каракозова, доставленного из инспекторского департамента Военного министерства, видно, что означенный Каракозов показан из российских дворян и за отцом его состоит в Симбирском уезде 80 душ. В военную службу вступил в 1768 году подпрапорщиком.***

С 1770 года — сержантом, 1773 года — прапорщиком. Был в походах 1769 года в Турции под Хотином. В сражениях с неприятелем в 1771 г. в августе при штурме г. Журжи, где и ранен в ногу пулею. В 1772 и 1773 годах в Валахии при нападении турок на Журжевскую крепость. Отставлен в 1777 году подпоручиком, с 1780 года

на статской службе, с 1796 года титулярным советником, с 1798 — в Сердобском суде судьей.

Выйдя в отставку, И. Ф. Каракозов обосновался в Саратовской губернии. Он приобрел у отставного поручика Алексея Жмакина *(который также вместе с Семеном Моисеевичем Степановым владел соседней деревней Подъячевка — С. В.)* ***сельцо Жмакино Сердобского уезда.***

Каракозов женился на девушке из старинного дворянского рода ИРИНЕ СЕМЕНОВНЕ УНКОВСКОЙ, дочери капитана Семена Марковича Унковского.

В этом браке родились дети:

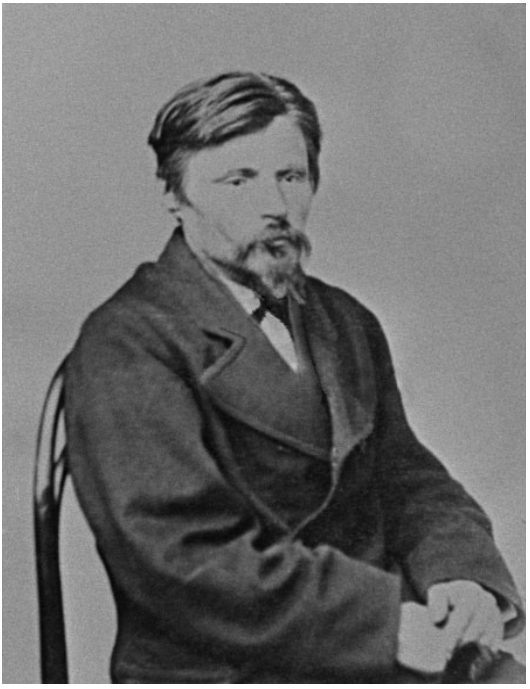
Наталья Ивановна (1784 — п. 1812)

Владимир Иванович (1786–1856), жена Мария Алексеевна Ишутина, дочь Сердобского 1-й гильдии купца, почетного гражданина Алексея Ивановича Ишутина (с 1842 года в семье Владимира Ивановича воспитывался рано осиротевший племянник его жены Марии Алексеевны — НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ ИШУТИН, ровесник младшего сына Каракозовых Дмитрия. Советские историки, изучавшие ишутинский кружок, всячески подчеркивали, что Николай Ишутин происходил из семьи небогатых купцов, бедствовал и ходил в простой холщовой рубахе. Возможно, к середине 1860-х семья Ишутиных и обнищала, но в середине 1830-х никто в Сердобске не назвал бы Ишутиных небогатыми. Возможно, холщовая рубаха Николая Ишутина столько же отражала его материальные затруднения, сколько и холщовая рубаха графа Льва Николаевича Толстого…).

Алексей Иванович (1788 —?).

Мария Ивановна (1796 —?).

А также Александра Ивановна (Бутлерова) и Анна Ивановна (Степанова).

Николай Андреевич Ишутин

Как выяснилось на следствии, в заговоре, целью которого было убийство царя, было замешано много лиц. Помимо организации тайного общества и заговора против царя подсудимым было инкриминировано и укрывательство бежавших из московской пересыльной тюрьмы польских политических преступников, в том числе и будущего участника Парижской Коммуны Ярослава Домбровского.

Вряд ли нечто подобное было под силу Ишутину с Каракозовым. В заговоре принимали участие юный князь Варлаам Черкезов, дворяне Кутыев, Ермолов, Юрасов, Странден, Загибалов, Шаганов, Кичин, чиновник Малинин, студент Московского

университета Иванов, слушатель Петровской Академии, сын священника Лапкин, государственный крестьянин Борисов, сын дьячка Воскресенский, провизор Лаунгауз, коллежский советник Трусов и многие другие.

Особенно обращает на себя внимание следующий факт из обвинительного заключения: «Дворянин Павел Маевский — в укрывательстве и снабжении для побегов фальшивыми паспортами и деньгами польских политических преступников Домбровского, Ковалевского, Оржеховского, Верницкого, Ольтаржевского и друг. (то есть их было гораздо больше? — С. В.), в недоведении до сведения правительства о существовании в Москве тайного общества, имевшего противную установленным законами образу и порядку правления цель и в имении сочинений возмутительного содержания». Помощником Маевского был сын чиновника Болеслав Шостакович (родной дед знаменитого композитора Дмитрия Шостаковича), который был обвинен «в укрывательстве осужденного в каторжные работы государственного преступника Домбровского и составлении на него подложных видов» ***(Болеслав Шостакович оказался в ссылке, впоследствии в Иркутске, где он потом даже стал иркутским городским головой и вообще известным сибирским общественным деятелем. От него пошла иркутская династия Шостаковичей — ученых и общественных деятелей. Композитор Дмитрий Шостакович — внук Болеслава Шостаковича. А недавно умерший иркутский историк Болеслав Сергеевич Шостакович, исследователь сибирской политической ссылки, — его правнук)***.

Но бегства (как выясняется — массового) политических преступников оказалось для заговорщиков мало — и из городка Ардатова Нижегородской губернии была тайно вывезена жена Домбровского, находящаяся в ссылке, без которой будущий генерал Парижской Коммуны отказывался выезжать из России… И ему пошли на встречу — вывезли и жену.

Этот факт говорит не о немощности царской полиции, а о существовании мощной, хорошо законспирированной организации, способной подготовить массовый побег политических заключенных и их отправку за границу. Маевский, как и Шостакович, скорее всего, существовали для отвода глаз, были «стрелочниками» для следствия. Кстати, вслед за Шостаковичем в ссылку приехала из Москвы его невеста Варвара Калистова. Она была близкой подругой Ольги Чернышевской, жены писателя-революционера Николая Чернышевского. А Владимир Михайлович Озеров (вспомним подельника Ипполита Степанова по заговору — капитана Преображенского полка Николая Озерова), один из главных организаторов этого побега, был одновременно и членом «Земли и Воли», и членом «Комитета русских офицеров в Польше».

Так что, вероятнее всего, Ишутин и Каракозов были обыкновенными марионетками.

«…Средь бела дня 4 апреля 1868 года в центре Санкт-Петербурга у ограды Летнего сада в гулявшего императора стрелял, но промахнулся приехавший из Москвы молодой человек по имени Дмитрий Каракозов. Как выяснило следствие, Каракозов принадлежал к группе юных радикалов, не брезговавших уголовщиной во имя своих высоких целей.

Шестеро главных персонажей этого очерка дружили с детства, с первых лет учебы в Пензенской губернской гимназии. На глазах у этих юношей — Дмитрия Юрасова, Николая Ишутина, Дмитрия Каракозова, Максимилиана Загибалова, Петра Ермолова, Виктора Федосеева — крепостная, дворянско-помещичья Россия потерпела поражение в Крымской войне 1853–1856 годов. Не выдержав такого позора, царь Николай I, державший Россию "замороженной" все 30 лет своего правления, ушел из жизни. Сменивший его на троне Александр II начал в России

реформы, но неспешные и половинчатые: крестьянам дали личную свободу, но без земли, горожанам — местное самоуправление, но не независимый парламент. В стране оживились торговля и промышленность, а вот перемены в сельском хозяйстве шли медленно. Волнения назревали на западных окраинах империи — на землях нынешней Литвы и Беларуси.

Юные пензенцы с нетерпением следили за шедшими в стране переменами и по гимназической моде тех лет зачитывались тогдашним "самиздатом" — сочинениями Герцена и Огарева, Полежаева и Достоевского. Под воздействием их книг пензенские гимназисты, как и многие их сверстники, к 16–17 годам были полны решимости добиваться освобождения России от самодержавия и бюрократии. Свой путь к воплощению этих замыслов выпускники связывали с продолжением учебы в университетах. Осенью 1860 года один из них, Дмитрий Каракозов, поехал учиться в Казанский университет, остальные пятеро друзей продолжили учебу в Московском университете.

Именно в Москве юные провинциалы, признанным лидером которых с детства был кособокий книгочей Николай Ишутин, впервые участвовали в бурных политических событиях. Правительство, опасаясь притока в университеты массы крестьянских детей, получивших в 1861 году личную свободу, в том же году ввело плату за высшее образование, отсекая от него малоимущих. Недовольные студенты ответили массовыми демонстрациями в Санкт-Петербурге и Москве. Их зачинщики были отчислены из университетов и взяты под арест, а их товарищи прервали учебу. Студенческие волнения в Москве длились до 12 октября 1861 года, когда тысячная демонстрация молодежи вышла к дому генерал-губернатора на Тверской улице, 13, где ныне расположена столичная мэрия.

В тот день, вошедший в историю Москвы как "день битвы под 'Дрезденом'" (по имени гостиницы на Тверской площади, у стен которой происходили основные события), полиция и казаки при содействии купцов и приказчиков из соседнего Охотного ряда вступили в массовую драку со студентами, перешедшую на соседние Дмитровку и Большую Никитскую улицы. В тот раз Ишутин с товарищами отделались синяками и несколькими днями ареста в Тверской полицейской части. Зато они впервые почувствовали себя революционерами, и в начале 1862 года вступили в созданную тогда в Питере и Москве тайную организацию "Земля и Воля".

"Общество взаимопомощи"

Для пущей конспирации "землевольцы" собирались не в знаменитом квартале тогдашних студенческих общежитий между Большой и Малой Бронными улицами, где снимали комнаты Ишутин и большинство его земляков. Излюбленным местом встреч молодых заговорщиков стал трактир "Крым" на Трубной площади.

Вероятно, первым московским студентом, освоившимся там, был Иван Гаврилович Прыжов — сын швейцара московской Мариинской больницы на Божедомке. Окончив Первую московскую гимназию, Иван Прыжов в 1848–1851 годах посещал Московский университет, а затем, так и не закончив его, занял низшую должность в канцелярии Московского суда.

Учебу, а затем и службу Прыжов сочетал с изучением народного быта России, сосредоточившись на истории и нравах российских кабаков. В конце 1860-х гг. это его увлечение воплотилось в весомый научный труд "История кабаков на Руси". Но в 1850-х годах грамотей, балагур и любитель застолий Иван Прыжов лишь подступал

к своей главной теме, попутно сведя знакомство со всей тогдашней "Москвой кабацкой" и делясь своими связями с другими студентами, таившимися от полиции. Благо те всерьез интересовались бытом и нравами "трущобных людей". Так, тогдашний духовный вождь революционной молодежи, один из основателей упомянутой выше организации "Земля и Воля" Николай Чернышевский видел возможных союзников в борьбе с самодержавием в бродягах из сектантов и раскольников, в полуголовных артелях волжских бурлаков и в прочих маргиналах.

Работа московской организации "Земли и Воли" продлилась несколько месяцев, ограничившись собраниями в подвалах трактира "Крым" и выпуском нескольких рукописных прокламаций. В июле 1862 года Чернышевский был арестован в Петербурге по обвинению в подстрекательстве крестьян к бунту и сотрудничестве с политэмигрантами Герценом и Огаревым. Его немногочисленные сподвижники в Питере также оказались за решеткой либо покинули Россию. Московские "землевольцы" на время оставили конспирацию и переключились на "пропаганду делом" социальных идей "обобществленного труда". Их автором был все тот же неутомимый Чернышевский — благо режим содержания под следствием в Петропавловской крепости не помешал ему в 1862–1864 гг. написать и передать на волю рукопись — известный всем поколениям советских школьников роман "Что делать?".

В полном соответствии с содержанием романа московские студенты и курсистки, среди которых был и Николай Ишутин с товарищами, осенью 1864 года основали в Москве "Общество взаимопомощи" с переплетными мастерскими, где сами работали в свободное от учебы время. Впрочем, именно для учебы его оставалось все меньше, поскольку к концу 1864 года юные революционеры, лишившиеся прежних вожаков, свели знакомство с новыми, еще

более "авторитетными" наставниками — уцелевшими повстанцами-сепаратистами из Польши и Литвы, переселившимися в Москву. К слову, большинство этих "борцов за свободу" были выходцами из местного дворянства-шляхетства. Добиваясь полного суверенитета от России, они в случае победы отнюдь не собирались делиться своей землей с земляками-крестьянами.

Но мелкие нестыковки в политических взглядах не помешали московским и польским заговорщикам совместно устроить побег из тюрьмы уроженца Житомира Ярослава Домбровского. После подавления восстания 1863 года военно-полевой суд приговорил 27-летнего штабс-капитана российской армии Домбровского, изменившего присяге и перешедшего на сторону бунтовщиков, к расстрелу с заменой 15 годами каторги. По дороге в Сибирь Домбровского в ожидании этапа поместили в Московскую пересыльную тюрьму.

"Ад"

1 декабря 1864 года Ярослав Домбровский собрался в тюремную баню, но задержался в предбаннике, где торговки предлагали "арестантикам" калачи и сбитень. Накинув загодя приготовленный женский платок и полушубок, Домбровский вышел в группе торговок мимо осоловевшей от банного тепла и пара охраны за ворота тюрьмы. Там его ждал 19-летний вольнослушатель Московского университета Болеслав Шостакович (родной дед знаменитого советского композитора), который отвел Домбровского на ночлег в трактир "Ад" на Трубной площади.

Следующую ночь беглец провел в комнате, которую Николай Ишутин и Петр Ермолов снимали тогда в доме Ипатова в Трехпрудном переулке. Из Москвы Домбровский благополучно скрылся во Францию, где погиб в 1871 году

в дни Парижской Коммуны, сражаясь на баррикадах во главе местных революционеров.

Участие в побеге Домбровского вдохновило Ишутина и его друзей на новые дерзкие планы. Как вспоминала их тогдашняя коллега по переплетной артели Елена Козлинина, более полувека проработавшая хроникером Московского окружного суда, "…Ишутин был озлобленным человеконенавистником — возможно, по причине своего физического уродства. Его ближайший друг Петр Николаев — типичный хулиган, до последней степени беспринципный. Другие фигуры, окружавшие их, по большей части представляли зеленую молодежь, очень неуравновешенную и до последней возможности распропагандированную…"

В феврале 1865 года Ишутин, оттеснивший от лидерства в "Обществе", объединявшем более 600 студентов и курсисток, его устроителя Петра Свиридова, предложил превратить общество в "Политическую организацию". Участвовать в ее работе согласилось не больше половины членов "Общества". Но неугомонного Ишутина это не смутило — к концу 1865 года он создал в составе "Организации" еще более тайное общество под названием "Ад". Его членами, помимо самого Ишутина, стали его кузен Дмитрий Каракозов (он переехал в Москву из Казани после того, как был отчислен из тамошнего университета и долго лечился от хронических желудочных болезней и алкоголизма), а также их земляки Дмитрий Юрасов и Петр Ермолов.

Неизвестно, как долго длилась бы деятельность "Ада", члены которого с гордостью именовали себя "мортусами" ("смертниками"), если бы 4 апреля 1866 года Каракозов не был задержан в Петербурге сразу после неудачной попытки убийства царя — во время выстрелов его руку случайно оттолкнул оказавшийся поблизости мастеровой О. И. Комиссаров.

При аресте стрелок пытался принять яд, но его тут же вырвало. Поначалу террорист отказался назвать себя, но 7 апреля его опознал содержатель питерской гостиницы "Знаменская". При обыске в гостиничном номере жандармы нашли разорванные конверты, сложив из клочков адреса: "На Большой Бронной дом Полякова, Ишутину" и "Ермолову, Пречистенка".

9 апреля 1866 года земляки и сожители Ишутина Максимилиан Загибалов и Дмитрий Юрасов были арестованы в их съемной комнате доходного дома, принадлежавшем московскому богачу Лазарю Полякову. Самого Николая взяли в ночь с 9 на 10 апреля в переплетной мастерской Общества. Всего до конца апреля в Москве и Санкт-Петербурге по делу о покушении на царя было опрошено 2 тысячи человек. Следователи, действиями которых лично руководил генерал-губернатор Москвы князь В. А. Долгоруков, ежедневно допрашивали по 60–100 человек, работая с 10 утра до часа ночи. В итоге под арестом на время следствия оказалось 196 человек, а на скамью подсудимых в августе 1866 года попали Каракозов, Ишутин и еще 32 их знакомца по "Организации" и "Аду".

Как удалось доподлинно установить следствию и суду, замысел цареубийства возник у Каракозова и Ишутина еще в декабре 1865 года и был внесен ими в так называемый "Устав". Юрасов, Ермолов и Загибалов знали об этом намерении, но не поддерживали его, считая главной задачей "мортусов" укрепление связей с революционными кружками в провинции, со ссыльными поляками и организацию побега с каторги Н. Г. Чернышевского. Впрочем, спорщики были одинаково заинтересованы в изыскании денег на свои замыслы — и даже уговорили одного из членов "Общества", 23-летнего Виктора Федосеева, отравить своего отца, пензенского помещика, чтобы затем употребить его наследство на нужды революции. Правда, заговорщики не

успели реализовать этот замысел, и Ишутин передал яд (стрихнин) добровольно вызвавшемуся на цареубийство и смерть Каракозову.

В обвинительном заключении было указано, что пистолет и пули для покушения на царя Каракозов приобрел в марте 1866 года на рынке в Санкт-Петербурге на деньги, тайно "одолженные" (а попросту украденные) Ишутиным из кассы "Общества взаимопомощи".

Лишь через несколько лет после суда и казни Каракозова ссыльный "ишутинец" Иван Худяков случайно проговорился о том, что еще накануне отъезда из Москвы в феврале 1866 года Каракозов потратил часть денег на покупку двуствольного револьвера, из которого потом стрелял в царя на Трубной площади. Второй револьвер в день покушения находился у испугавшегося стрелять в императора террориста-дублера Петра Ермолова. Сразу после ареста Каракозова он скрылся в Москве, но его роль в замысле цареубийства тогда так и осталась нераскрытой.

Впрочем, Ермолов и другие причастные к деятельности "Ада" понесли суровое наказание. Сам Каракозов, производивший на большинство знавших его людей впечатление ненормального человека, был повешен при большом скоплении народа на Смоленском поле в Санкт-Петербурге 3 сентября 1866 года. Также приговоренный к смерти, но подавший прошение о помиловании Ишутин узнал о "царской милости" — замене смертной казни бессрочной каторгой — уже стоя под петлей на эшафоте. Перенесенное им тогда потрясение повлекло за собой потерю рассудка и долгое угасание в каторжной больнице, откуда его увезли хоронить в 1879 году.

Большинство членов общества "Ад" — те же пензенцы Дмитрий Юрасов, Петр Ермолов, Максимилиан Загибалов, которым в то время было по 20–22 года, — были приговорены к каторжным работам на срок от 12 до 20 лет.

Правда, в 1871 году, после пяти лет пребывания на каторге, все они были переведены на поселение, а в 1884 году получили от царя Александра III полное помилование и разрешение возвратиться на жительство в Россию» *(“Интересная газета. Тайны истории”. 2012. № 22).*

Гринер В. В. Покушение Д. В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 у Летнего сада в Петербурге

Выстрел Д. В. Каракозова

Художник Илья Ефимович Репин присутствовал при повешении Каракозова.

Он писал:

«Первое покушение на жизнь Александра II озадачило всех простых людей до столбняка. Вместе с народною молвою средние обыватели Питера быстро установили, что это дело помещиков — за то, что у них отняли их собственность — тогда с душою и телом — крепостных; вот они и решились извести царя. Интеллигенция, конечно, думала иначе…

“Избавитель” Осип Иванович Комиссаров-Костромской быстро становился героем дня, но у нас он не имел успеха: злые языки говорили, что в толпе, тогда у Летнего сада, этот шапошник был выпивши и его самого страшно

избили, приняв за покусителя. А потом болтали, что в разгаре его славы жена его в магазинах требовала от торговцев больших уступок на товарах ей как "жене спасителя"…

Еще темненько было в роковое утро, на заре, а мы… уже стояли в бесконечной толпе на Большом проспекте Васильевского острова. Вся дорога к Галерной гавани, шпалерами, густо, по обе стороны улицы была полна народом, а посредине дороги быстро бежали непрерывные толпы — все на Смоленское поле. Понемногу продвигались и мы по тротуару к месту казни… Вот и поле, видна и виселица, вдали черным глаголем стоявшая над деревянным эшафотом — простыми подмостками… Уже совсем был белый день, когда вдали заколыхалась без рессор, черная телега со скамеечкой, на которой сидел Каракозов. Только на ширину телеги дорога охранялась полицией, и на этом пространстве ясно было видно, как качался из стороны в сторону на толчках "преступник" на мостовой булыжника. Прикрепленный к дощатой стенке-лавочке, он казался манекеном без движения. Спиной к лошади он сидел, не меняя ничего в своей омертвелой посадке… Вот он приближается, вот проезжает мимо нас. Все шагом — и близко мимо нас. Можно было хорошо рассмотреть лицо и все положение тела. Закаменев, он держался, повернув голову влево. В цвете его лица была характерная особенность одиночного заключения — долго не видавшее воздуха и света, оно было желто-бледное, с сероватым оттенком; волосы его — светлого блондина, — склонные от природы курчавиться, были с серо-пепельным налетом, давно не мытые и свалянные кое-как под фуражкой арестантского покроя, слегка нахлобученной наперед. Длинный, вперед выдающийся нос похож был на нос мертвеца, и глаза, устремленные в одном направлении, — огромные серые глаза, без всякого блеска, каза-

лись также уже по ту сторону жизни: в них нельзя было заметить ни одной живой мысли, ни живого чувства; только крепко сжатые тонкие губы говорили об остатке застывшей энергии решившегося и претерпевшего до конца свою участь. Впечатление в общем от него было особо страшное…

Скоро толпа смолкла. Все взоры приковались к эшафоту. Колесница к нему подъехала. Все наблюдали, как жандармы под руки помогали жертве слезть с телеги и всходить на эшафот. На эшафоте и с нашего места нам никто не мешал видеть, как сняли с него черный армяк с длинным подолом, и он, шатаясь, стоял уже в сером пиджаке и серых брюках. Довольно долго что-то читали начальственные фигуры, со средины подмостков ничего не было слышно. Обратились к "преступнику", и жандармы и еще какие-то служители, сняв с него черную арестантскую фуражку, стали подталкивать его на средину эшафота. Казалось, он не умел ходить или был в столбняке, должно быть у него были связаны руки. Но вот он, освобожденный, истово, по-русски, не торопясь, поклонился на все четыре стороны всему народу. Этот поклон сразу перевернул все это многоголовое поле, оно стало родным и близким этому чуждому, странному существу, на которого сбежалась смотреть толпа, как на чудо. Может быть, только в эту минуту и сам "преступник" живо почувствовал значение момента — прощание навсегда с миром и вселенскую связь с ним.

— И нас прости, Христа ради, — прохлюпал кто-то глухо, почти про себя.

— Матушка, царица небесная, — протянула нараспев баба.

— Конечно, бог будет судить, — сказал мой сосед, торговец по обличью, с дрожью слез в голосе.

— О-о-х! Батюшки!.. — провыла баба.

Дмитрий Каракозов перед казнью. Рисунок И. Е. Репина

Толпа стала глухо гудеть, и послышались даже какие-то выкрики кликуш… Но в это время громко барабаны забили дробь. На "преступника" опять долго не могли надеть сплошного башлыка небеленой холстины, от остроконечной макушки до немного ниже колен. В этом чехле Каракозов уже не держался на ногах. Жандармы и служители, почти на своих руках, подводили его по узкому помосту вверх к табурету, над которым висела петля на блоке от черного глаголя виселицы. На табурете стоял уже подвижной палач: потянулся за петлей и спустил веревку под острый подбородок жертвы. Стоявший у столба другой исполнитель быстро затянул петлю на шее, и в этот же момент, спрыгнувши с табурета, палач ловко выбил подставку из-под ног Каракозова.

Каракозов плавно уже подымался, качаясь на веревке, голова его, перетянутая у шеи, казалась не то кукольной фигуркой, не то черкесом в башлыке. Скоро он начал конвульсивно сгибать ноги — они были в серых брюках. Я отвернулся на толпу и очень был удивлен, что все люди были в зеленом тумане… У меня закружилась голова… Куда идти? Куда деваться?.. Стоило больших усилий, чтобы не разрыдаться…

…Я схватился за Мурашко и чуть не отскочил от его лица — оно было поразительно страшно своим выражением страдания; вдруг он мне показался вторым Каракозовым. Боже! Его глаза, только нос был короче.

Но тут некогда было наблюдать или предаваться плачевным подступам… С горы, с боков толпа почти кувырком с насыпи посыпалась на землю; мальчишки даже с гиком подымали удушливую пыль. А внизу многоголовым морем уже гудела и бурлила обратно на дорогу освобожденная толпа. Кошмар проснулся…

В одно прекрасное сентябрьское утро солнце светило так ярко и было так необычно тепло, что я даже растворил окно. На сердце стало веселее. Впечатление от виденной казни стало мало-помалу сглаживаться; прошло, кажется, уже более недели. Было часов восемь, не более. Вдруг растворилась, как всегда у нас, без предварительного стука, сразу наотмашь вся дверь, и явился Мурашко. Он жил в доме Кочубея у Красного моста; следовательно, раненько встал: мы всегда ходили пешком — в Лесной и на Лахту.

— Ну що як ты оце? Я, брат, все ще нияк не можу собрать своих помороков… Пидем гулять на Гаваньске поле. Бери альбомчика, або-що; може помалюемо, або порисуемо що-небудь.

Не теряя времени, мы вышли. Присутствие Мурашко опять вызвало все впечатление казни, и мы, идя по Болшому проспекту Васильевского острова, начали вспоминать все

подробности казни и слухи об арестах — везде арестовывалась молодежь.

Опять было готово зеленеть в глазах, и мы вспомнили, как ничего не могли есть в кухмистерской, несмотря на то, что чуть не с пяти часов утра, не пивши, не евши, выскочили тогда на Большой проспект. Особенно заботливо, до нежности, нас утешал за это время наш молодой друг, наш милый учитель А. В. Прахов. Еще будучи тогда студентом-филологом, он прочел нам очень убедительную лекцию о том, что смертная казнь — преступная мера, остаток бесправного варварства. Если общество организовалось для защиты своих членов от всяких несправедливостей и опасностей, если оно имеет назначение исправлять их преступность, тогда где же логика? Член совершил самое возмутительное преступление: он посягнул на жизнь человека — словом, совершил самое ужаснейшее противочеловеческое преступление; и вот общество, вместо того чтобы довести этого несчастного члена до раскаяния в своей преступности, помочь ему одуматься, исправиться одиночеством, чтобы всю жизнь он сокрушался о своем непростительном грехе, это самое общество, вместо такого полезного дела. совершает само тоже самое непростительное преступление. При этом, имея власть и силы, оно — уже холодно, со всею помпою, напоказ всем опекаемым гражданам — лишает заблудившегося брата жизни. Разве можно помириться с мыслью, что в этом его высшее назначение, и ясно, если оно убивает беззащитного, нуждающегося в исправлении, да уже и раскаявшегося своего члена, то для кого же оно существует? Значит, по логике, и само оно достойно уничтожения, так как оно, совершая самое страшное преступление, приучает к посягательству на человеческую личность весь народ, все общество. Само нарушает самый главный принцип жизни и общежития.

В воспоминаниях об этих ясных доводах лекции нашего милого Адриана Викторовича, которого мы все обожали, мы дошли до Смоленского поля. Вот те же квадратные насыпи, вот на этой мы стояли; как испортили тогда ровные края ее, так и стоит она. Эшафот снесли: едва можно догадаться, где были вкопаны столбы и где стояла виселица.

Мы подошли к месту и окидывали отсюда все пространство, все четырехугольники насыпей. Какая разница! Как люди украшают жизнь: "На миру и смерть красна". Теперь было все пусто и скучно, а тогда даже ужас ожидания смерти человека все же давал месту какое-то нестрашное торжество. До чего это все было покрыто черной толпой, как она кишела муравейником и быстро расползалась, когда было совершено убийство всенародно…

Мы взяли правее, мимо гавани, чтобы выйти к морю. Пришлось часто перепрыгивать через водяные ямки и канавки между возвышений, покрытых мохом. Наконец пришли к довольно широкому ручью, пришлось скинуть ботинки, чтобы перейти его. Мы добрели до поля Голодай.

— Знаешь, — сказал Мурашко, — ось тут десь могила Каракозова, та мабуть ниякой могилы и нема, а так ровнисеньке місто.

Действительно, вправо мы заметили несколько выбитое местечко и кое-где следы зарытых ям, совсем еще свежие.

— Эге, ось, ось, бач. Тут же хоронят и самоубийц — удавленников.

Одно место отличалось особенной свежестью закопанной могилы, и мы, не сговорившись, решили, что здесь зарыт Каракозов… Постояли в раздумье и уже хотели идти дальше. Вдруг видим: к нам бежит впопыхах толстая, красная рожа с короткими усами вперед, вроде Муравьева. Мы заметили только теперь, что вдали

стоит сторожка-хибарка; из нее-то без шапки, в одной рубашке спешила к нам толстая морда.

— Стойте! — закричала она. — Вы что за люди? Зачем вы сюда пришли?

— А что? Мы просто гуляем, — отвечали мы.

— Вот нашли гулянье. Вы знаете, что это за место? Вы на чьей могиле стояли? Ну-ка?

— Ни, не знаем, а чья се могила? — сказал невозмутимо Мурашко.

— А, не знаете! Вот я вам покажу, чья могила. Идите со мною в участок: там вам скажут, чья это могила.

Он указал нам по направлению к хибарке; зашел туда, надел мундир полицейского, кепи того же ведомства и повелительно указал идти вперед в Васильевскую часть. И в части, держа нас впереди себя, сейчас же что-то пошептал сидящему за столом, с красным воротником и ясными пуговицами, чиновнику. До нас долетело только "на самом месте, на самом месте". Тот пошел в другую камеру, и скоро оттуда быстро зашагал на нас большого роста, с длинными усами участковый, с погонами, поджарого склада. Еще издали его оловянные глаза пожирали нас.

— Вы что за люди?

— Ученики Академии художеств, — отвечали мы почти вместе.

— Зачем вы были на Голодаевом поле? — грозно допрашивал он нас. — Да мы с альбомчиком ходим по окрестностям часто, в разных местах рисуем, что понравится.

— Удивительно: болото… Что там рисовать?

— И в болоте может быть своя прелесть, — говорю я. Он круто повернулся.

— Наведите справки, — сказал он чиновнику.

Тот после опроса и записи велел вести нас дальше куда-то. Форменный городовой, вооруженный и с книгой, повел

нас в другой участок. Здесь, в камере, в большом зеркале я увидел себя и страшно удивился: лицо мое было желто и имело безнадежно-убитое выражение.

Нас подвели к столу, за которым сидел чиновник, маленький, с рыжими усами, в очках. Он прищурился на меня с улыбочкой и тихим голоском, не предвидящим возражений, внушительно прогипнотизировал: "Могилу Каракозова захотелось посмотреть?.." — и что-то стал записывать.

— Илля, так чого ж ти оце такий, — аж страшно дивиться на тебе; хиба ж мы що? Та ты оправсь, — шепнул мне Мурашко.

После всех записей городовой с книгой повел нас к Академии художеств; по случаю праздничного дня занятий не было, и нас для удостоверения привели к постоянному надзирателю Павлу Алексеевичу Черкасову. Тот сейчас же принял нашу сторону, расспросил нас, что-то отписал в участок и объявил нам, что мы свободны.

Мы облегченно вздохнули и пошли ко мне. И, только перевалив в комнату, почувствовали страшную усталость и голод. Мурашко сейчас же растянулся на полу, а я на свою кровать, и заказали самовар, калачей и сливок. Но пока его готовили и принесли все к столу, мы лежали как убитые и молчали.

— Ого, Илля, ото дурни, а подивись, що у меня в кишені.

Он вынул из кармана толстую кипу фотографических карточек. Тут были все политические преступники: и Костюшко, и много польских повстанцев, и Чернышевский, и наши другие сосланные и казненные освобожденцы.

— Ну, я вже тобі признаюсь. Оце я задумал в крепость попасть: як бы мене стали обыскивать, то посадили б… ейбо… Та мині тебе жаль стало. Боже, який ти жалкий зробивсь, бидняга Илля. Ах, Илля, Илля… Ну, давай чай пить.

После мы рассуждали на божественную тему недавно прочитанного нам реферата Адрианом Викторовичем Праховым — о недопустимости смертной казни. Ведь какой это был романтик, полный бескорыстия и серьезных вопросов юноша!.. Мы его обожали и удивлялись его чистоте и скромности…

— Ну и Адриан же оцей!.. — говорил растроганный Мурашко. — Полюбить його яка-небудь дивчинка… — кончал он со вздохом, полным любви…

Адриан Викторович перевел для нас с немецкого огромную статью Мунте, который изучал много лет в Индии буддизм и всю эпоху Сакия-Муни. Особенно нас поразило, что легенды о рождестве и детстве Будды были так близки к христианским сказаниям: благовещение, поклонение волхвов и пр. Разница только в обстановке детства: у Будды была царственная роскошь и пресыщение жизнью, а у Христа — обстановка рабочего-плотника.

В то время в народе во всех слоях, на разные лады, постоянно разговаривали об этом событии; но все сходились на том, что убийство царя — дело дворян. Они мстили ему за то, что он отнял у них крепостных.

В 1866 году я ехал из Питера в Чугуев. Железная дорога возила уже до самого Харькова. А из Харькова до Чугуева, я знал, можно проехать дешево: стоит выйти на Конную площадь и там спросить, нет ли кого чугуевцев.

Нашелся только один мальчик, лет шестнадцати, и тот был не из Чугуева, а из Большой Бабки; но он взялся довезти меня до Чугуева (Большая Бабка недалеко оттуда).

На дороге, под Роганью, на нас обрушилась такая гроза с проливным дождем, что в степи единственное укрытие оказалось — забраться под телегу.

В этом тесном помещении мы сблизились настолько нос к носу, что это вызывало нас невольно на близкие отношения и на откровенную беседу. Когда раскаты грома

над самой нашей головой утихли и ядреные капли дождя перестали барабанить и пробивать насквозь, во все щели, наше узкое убежище, до того низкое, что мы почти лежали согнувшись, мальчик неторопливою деревенскою повадкою спросил меня:

— А ты откуда сам?

— Из Питера, — отвечал я. Он взглянул на меня пошире, смерил всего, примолк.

— А ты царя там видел?

— Видел, — отвечал я, — на набережной раз встретил.

— А ты слыхал, что в него стреляли? — спросил он тихо.

— А как же, — отвечал я, — это всем известно и в газетах писали… Он заскучал слегка при слове о газетах и продолжал:

— А вот я тебе расскажу про жандара, царского телохранителя. Это не то что помещики стреляли в отместку за крепостных своих, батраков. А это вот как было: царский телохранитель, стало быть жандар, караулил, когда царь спит, — никого к нему, значит, не пускать. Вот стоит раз над ним и думает: а семка я убью царя. Подходит ближе. Царь крепко спит. Жандар навел пистолет, потянул курок — щелк: осечка. Он взвел опять курок, опять потянул и в другой: осечка. Он в третий раз: вот и в третий раз осечка… Тогда жандар толк-толк царя за плечо. "Проснись, говорит, царь. Вот видишь, — показывает ему, — пистолет, прикажи меня казнить: я, говорит, хотел тебя убить… Да осечка вышла. Бог не велел". Да что же ты думаешь?

Мальчик как-то вырос, поднялся, насколько позволяла телега, повел кругом торжествующим взглядом и промолвил со слезами во взоре:

— Ведь царь-то его простил…» *(И. Е. Репин. Далекое близкое» (Казнь Каракозова (1866 г.)).*

Царь — Александр Николаевич — пережил еще восемь покушений террористов на его жизнь и в конечном итоге погиб от их рук.

Каракозов был первым из них…

И мы возвращаемся к словам, с которых и начали первый свой очерк о масонских заговорах «Царское семя»: «В одном из исследований по истории масонства в России читаем: ***«Масоны-аристократы к концу 70-х годов*** *(XIX века — С. В.)* ***качнулись резко вправо, включившись в дотоле неизвестное в России движение и создав тайную, глубоко законспирированную антиреволюционную организацию "Священная дружина", передавая туда весь свой опыт работы в подполье. Изверившись в способности жандармов и полиции уничтожить радикалов и левых террористов законным путем, члены "Священной дружины" объявили радикалам войну вплоть до террора. На руководящих постах в "Дружине" было много потомственных масонов — "от дедов". Так, ее ЦК возглавлял граф Воронцов-Дашков, петербургский совет — Шувалов, а московский — князь Долгорукий.***

Эти люди были весьма недовольны и либеральной политикой царя Александра II, освободившего крестьян, давшего много прав либералам из земств и ограничившего судебный произвол, введя суд присяжных. Пик недовольства царем пришелся на начало весны 1881 г., когда Александр II решил опубликовать конституцию, вводившую в стране конституционно-монархический строй. К убийству царя стремились и левые радикалы из "Народной воли", и махровые реакционеры из "Священной дружины".

Странно и таинственно совместились вдруг интересы и правых, и левых, еще недавно совместно работавших в масонском подполье. 1 марта 1881 г. Исполком "Народной воли" бросает лучшую группу на убийство

царя-освободителя, первого и единственного царя-либерала на российском престоле, а кто-то услужливо убирает охрану — эскорт царя и настойчиво советует ему ехать на развод гвардейцев в Манеже. На обратном пути царь будет убит. Много таинственного и непонятного в этом убийстве. Полиция имела обширную информацию о подготовке покушения как от уже арестованных народовольцев, так и от провокаторов Окладского и Дегаева. Последний — бывший офицер и, по некоторым данным, масон — был членом Исполкома "Народной воли". Тем не менее, массовые аресты полиция начала только после покушения».

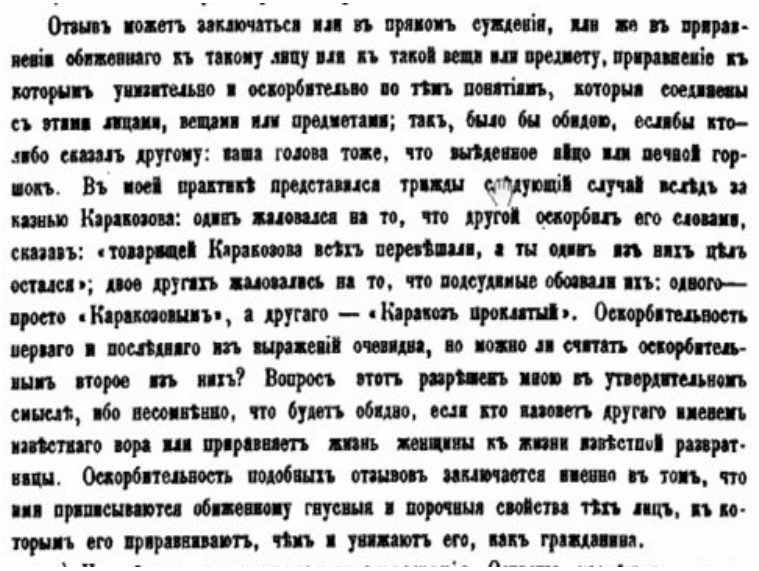
То есть появление Каракозова с Ишутиным — было одним из этих звеньев.

Продолжая тему предков и потомков, которую обозначил князь П. В. Долгоруков, мы приходим к выводу, что не все так однозначно происходит в жизни, как считал князь, который говорил о том, что потомки не несут (или не должны нести) ответственности за грехи своих предков, но вправе купаться в их славе — или хотя бы гордиться ею.

Вот пример того, что происходило с Каракозовыми сразу после покушения на царя.

После того, как 4 апреля 1866 года дворянин Сердобского уезда Саратовской губернии ДМИТРИЙ КАРАКОЗОВ стрелял в императора Александра II, первым в российской истории заслужив прозвище «цареубийца», дворянский род Каракозовых как бы перестал существовать. Сама фамилия в глазах общества превратилась в худшее из оскорблений.

Вот цитата из книги русского юриста Н. А. Неклюдова «Руководство для мировых судей», т. 2, изданной в 1869 г. (Столетием ранее Неклюдовы и Каракозовы владели соседними имениями в Саратовской и Пензенской губерниях, вместе строили церкви и вступали между собой в брак).

Отзывъ можетъ заключаться или въ прямомъ сужденіи, или же въ приравненіи обиженнаго къ такому лицу или къ такой вещи или предмету, приравненіе къ которымъ унизительно и оскорбительно по тѣмъ понятіямъ, которыя соединены съ этими лицами, вещами или предметами; такъ, было бы обидою, еслибы кто-либо сказалъ другому: наша голова тоже, что выѣденное яйцо или печной горшокъ. Въ моей практикѣ представлялся трижды слѣдующій случай вслѣдъ за казнью Каракозова: одинъ жаловался на то, что другой оскорбилъ его словами, сказавъ: «товарищей Каракозова всѣхъ перевѣшали, а ты одинъ изъ нихъ цѣлъ остался»; двое другихъ жаловались на то, что подсудимые обозвали ихъ: одного— просто «Каракозовымъ», а другаго — «Каракозъ проклятый». Оскорбительность перваго и послѣдняго изъ выраженій очевидна, но можно ли считать оскорбительнымъ второе изъ нихъ? Вопросъ этотъ разрѣшенъ мною въ утвердительномъ смыслѣ, ибо несомнѣнно, что будетъ обидно, если кто назоветъ другаго именемъ извѣстнаго вора или приравняетъ жизнь женщины къ жизни извѣстной развратницы. Оскорбительность подобныхъ отзывовъ заключается именно въ томъ, что имъ приписываются обиженному гнусныя и порочныя свойства тѣхъ лицъ, къ которымъ его приравниваютъ, чѣмъ и унижаютъ его, какъ гражданина.

А вот выдержка из книги «Народники Пензенского края»:

«Сторонники реакции, раболепствуя перед правительством, требовали уничтожения фамилии Каракозовых. Особенно усердствовало сердобское дворянство, “воюющее против всей семьи Каракозовых, даже против их имени”».

Если даже братья и сестры Каракозова сменили свою фамилию на Владимировы, что говорить о другой его родне.

Уездный предводитель дворянства Аткарского уезда Михаил Михайлович Каракозов получил высочайшее разрешение на смену фамилии.

Имение Каракозовых в Аткарском уезде — село КАРАКОЗОВКА — на картах и в справочниках стало именоваться исключительно своим вторым названием — НОВО-НИКОЛЬСКОЕ.

Примѣчаніе: Михаилъ Михайловичъ Каракозовъ, съ 1861 года состоялъ кандидатомъ Аткарскаго уѣзднаго предводителя дворянства Н. В. Лихачева, и въ 1862 и 63 годахъ правилъ его должность, бывъ потому предсѣдателемъ Съѣзда мировыхъ посредниковъ. 4 апрѣля 1866 г. дальній его родственникъ Сердобскаго уѣзда Каракозовъ посягнулъ на жизнь Государя Александра II, вслѣдствіи чего, согласно прошенію Михаила Михайловича, ему ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшено перемѣнить фамилію и называться Михайловымъ-Рославлевымъ (фамилія его матери Рославлева). Въ 1866 году М. М. избранъ былъ губернскимъ земскимъ собраніемъ въ предсѣдатели Саратовской губернской земской управы, а съ 1870 года по 23 сентября 1873 года былъ Саратовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ Турецкую войну 1877 года онъ поступилъ волонтеромъ въ дѣйствующую армію штабсъ-капитаномъ въ Эриванскій гренадерскій полкъ въ Малую Азію и палъ въ бою подъ Авліаромъ геройской смертью, сраженный двумя пулями.

Как следствие — фамилии Каракозов нет в родословных справочниках русского дворянства, которые издавались в конце XIX — начале XX веков.

Петр Александрович Степанов, сын первого Енисейского губернатора, отец Филиппа Петровича Степанова

Но мы, собственно, сейчас не об этом — а о том, как, возможно, события, связанные с Каракозовыми, могли повлиять и на другую их родню — Степановых: так потомок крупнейших российских масонов Степановых, **Филипп Петрович Степанов** (1857–1933), внук Александра Петровича, прокурор Московской Синодальной Конторы, камергер, действительный статский советник, в 1897 году впервые в России издал «Протоколы сионских мудрецов», раскрывающих истинную стратегию и тактику масонов.

«Историки довольно точно проследили судьбу рукописи на ее пути от фабрикантов к читателю. Первым звеном в этой цепочке стала Юлиана Дмитриевна Глинка (1844–1918 годы). Дочь русского посланника в Лиссабоне, фрейлина императрицы, поклонница Блаватской, она любила посещать в Париже салон Жюльетт Адам и, может быть, была сотрудницей Рачковского. Вот она-то и призналась, что при весьма необычных обстоятельствах завладела некоей странной рукописью…

Как-то раз ей довелось нанести визит знакомому еврею по фамилии Шапиро. Был уже поздний час. Неожиданно ей бросилась в глаза рукопись, написанная по-французски. Любопытная дама пролистала ее и, поняв, что имеет дело с чем-то в высшей степени секретным, стала немедля переводить на русский язык. В ту ночь она так и не покинула дом Шапиро, проведя время с пером, чернилами и бумагой. Эта трудолюбивая дама к утру следующего дня смогла перевести весь понравившийся ей трактат, опрометчиво оставленный гостеприимным хозяином. В конце концов она покинула дом Шапиро, унося тайком (в ридикюле? корсете? панталонах?) рукопись "Протоколов сионских мудрецов". Очевидно, эти события разыгрались в самую длинную ночь в году — на подобную мысль наводит объем брошюры (больше 80 страниц) — и в руках госпожи Глинки был самый большой ридикюль на свете (умолчим о других версиях).

Вернувшись в Россию, дама поделилась своей добычей с жившим поблизости майором в отставке Алексеем Николаевичем Сухотиным. Она убеждала, что рукопись "добыта из тайных хранилищ главной сионской канцелярии". Сухотин немедля вручил ее своему соседу по имению — правительственному чиновнику Филиппу Петровичу Степанову. "Он сказал, что одна его знакомая дама (он не назвал мне ее), проживавшая в Париже, нашла их у своего приятеля (кажется, из евреев) и, перед тем как покинуть Париж, тайно от него перевела их и привезла этот перевод, в одном экземпляре, в Россию и передала этот экземпляр", — вспоминал впоследствии Степанов.

***Не подозревавший подвоха чиновник был первым распространителем этой рукописи. Он озаглавил ее "Порабощение мира евреями" и отпечатал 100 экземпляров на гектографе. Чтения этих листков были удостоены видные сановники, министры и даже члены дома Романовых — великий князь Сергей Александрович, дядя императора, и его супруга Елизавета Федоровна, сестра императрицы. Многие из читавших рукопись заподозрили тут интриги охранного отделения и поспешили держаться подальше от скандального памфлета. Но великий князь Сергей Александрович и его супруга были убеждены в подлинности приведенных откровений. Дядя ознакомил с "Порабощением мира" своего племянника — императора Николая II — и его жену Александру Федоровну. Вначале царь был поражен прочитанным: "Какая глубина мысли!" Но, узнав от своих министров, какого происхождения эта рукопись, он пришел в ужас. В своем дневнике он написал, что решил отказаться от какой-либо поддержки этого сочинения: "Нельзя чистое дело защищать грязными способами"»** *(Протоколы сионских мудрецов — миф или реальность? http://shtorm777.ru/protokoly-sionskix-mudrecov-neveroyatnaya-pravda.html).*

Михаэль Хагемейстер

В ПОИСКАХ СВИДЕТЕЛЬСТВ О ПРОИСХОЖДЕНИИ «ПРОТОКОЛОВ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ»: ИЗДАНИЕ, ИСЧЕЗНУВШЕЕ ИЗ ЛЕНИНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

1

В апреле 1927 года Филипп Петрович Степанов, русский эмигрант, проживавший в Югославии, написал следующее заявление:

В 1895 году мой сосед по имению Тульской губ. отставной майор Алексей Николаевич Сухотин передал мне рукописный экземпляр «Протоколов Сионских Мудрецов». Он мне сказал, что одна его знакомая дама (не назвал мне ее), проживавшая в Париже, нашла их у своего приятеля (кажется из евреев), и, перед тем, чтобы покинуть Париж, тайно от него перевела их, и привезла этот перевод, в одном экземпляре, в Россию и передала этот экземпляр ему — Сухотину.

Я сначала отпечатал его в ста экземплярах на хектографе [sic], но это издание оказалось трудно чтимым, и я решил напечатать его в какой-нибудь типографии, без указания времени, города и типографии; сделать это мне помог Аркадий Ипполитович Келлеповский [sic], состоявший тогда чиновником особых поручений при В.[еликом] К.[нязе] Сергее Александровиче; он дал их напечатать Губернской Типографии; это было в 1897 году. С. А. Нилус перепечатал эти протоколы полностью в своем сочинении, со своими комментариями.

Филипп Петрович Степанов, бывший прокурор Московской Синодальной Конторы, камергер, действ.[ительный] статск.[ий] Советник, а во время этого издания — начальник участка службы пути (в г. Орле) Московско-Курской жел.[езной] дор.[оги].

Ниже имеется приписка другой рукой:

Подпись руки члена колонии русских беженцев Старого и Нового Футога (Кор. С. Х. С.) сим удостоверяю. Старый Футог 17 Апреля 1927 года. Председатель Правления колонии Князь Владимир Голицын.

Заявление Степанова является одним из важнейших документов по истории создания «Протоколов сионских мудрецов» (далее — ПСМ). В нем впервые были приведены сведения о первом (насколько нам удалось установить) печатании сочинения, ранее якобы существовавшего только в рукописи. Названы не только время, способ и обстоятельства тиражирования текста, но и участвовавшие в этом событии лица. Неудивительно поэтому, что свидетельство Степанова постоянно цитируется и обсуждается как в апологетической, так и в критической литературе о ПСМ.

Заявление Степанова опубликовала в 1931 году Лесли Фрай (Leslie Fry), американская антисемитка, предпринявшая расследование о судьбе ПСМ (отчасти при финансовой поддержке Генри Форда) и собравшая множество различных свидетельств, доказывавших, по ее мнению, подлинность этого текста. Результаты ее разысканий, проводившихся в основном в кругах русских эмигрантов, были представлены в книге «Waters Flowing Eastward», первое издание которой вышло в 1931 году в Париже *(в том же году появился французский перевод — «Le retour des flots vers l'Orient. Le Juif notre maître»)****. Произведение это имело большой успех, выдержало множество переизданий и стало одним из канонических текстов для сторонников теории заговора и адептов ПСМ.***

Фрай, по-видимому, была хорошо информирована. Так, она не только дословно цитирует заявление Степанова, но и публикует его факсимильное воспроизведение. Упомянутую даму Фрай идентифицировала как Юстинью

Глинку (1836–1918?), орловскую помещицу. Фрай считала, что Глинка получила ПСМ в 1884 году в Париже при посредничестве еврея Жосефа Шорста и привезла их в Россию, где они впоследствии при содействии Алексея Сухотина попали к Филиппу Степанову и Сергею Нилусу. О Сергее Нилусе (1862–1929), самом известном издателе и комментаторе ПСМ, Фрай также была неплохо осведомлена. Она первой опубликовала фотографию Нилуса, дала точные сведения о последних годах его жизни, а также времени и месте его кончины.

Степанов Филипп Петрович

Филипп Петрович Степанов (1857–1933), без сомнения, был одним из самых компетентных свидетелей всех событий, связанных с ПСМ. Представитель радикальных правых, в России он имел широкий круг контактов в реакционных кругах и был лично знаком со многими людьми, имена которых постоянно всплывают вокруг ПСМ. С Сергеем Нилусом и его женой Еленой Александровной (урожд. Озеровой, 1854–1938) Степанов был даже связан родственными узами [(Сестра Степанова, Екатерина Петровна (1859 ?), была женой брата Елены Озеровой Давида Александровича (1856–1916)].

Степанов Михаил Петрович

Брат Филиппа Степанова, Михаил Петрович (1853–1917), адъютант великого князя Сергея Александровича, был доверенным лицом не только самого великого князя, но и его супруги Елизаветы Федоровны. Должно быть, именно он и познакомил Нилуса и Озерову. После революции Филипп Степанов жил в Югославии (он умер в январе 1933 года в Белграде), а его дочь Марина Филипповна (1887—?) осталась в Москве и в 1920-е годы поддерживала тесные контакты с супругами Нилус.

Упомянутый Степановым Алексей Николаевич Сухотин (1848–1903), майор в отставке, с 1898 года — предводитель дворянства Чернского уезда Тульской губернии, а в 1903 году вице-губернатор Ставропольской губернии, также является одной из центральных фигур в истории ПСМ. В издании ПСМ 1917 года Нилус сообщает, что в 1901 году получил от Сухотина рукопись под названием «Протоколы собраний сионских мудрецов», а Сухотину она досталась от одной чернской помещицы, «постоянно проживавшей за границей» и получившей рукопись «каким-то весьма таинственным путем (едва ли не похищением)».

Заявление Степанова и данные Нилуса, как кажется, подтверждают друг друга. Если утверждения Степанова верны, то ПСМ существовали на русском языке уже в 1895 году. В этом случае не стоит связывать их возникновение ни с Первым сионистским конгрессом 1897 года, ни с последующими конгрессами. Среди современных исследователей достоверность свидетельств Степанова наиболее последовательно опровергает прежде всего Чезаре Дж. Де Микелис, поскольку эти свидетельства противоречат его концепции, согласно которой ПСМ были созданы по-русски между апрелем 1902-го и августом 1903 года, представляют собой своего рода пародию на «Еврейское государство» Т. Герцля, и их

появление было связано с Пятым сионистским конгрессом 1901 года. Де Микелис утверждает, что, если допустить существование печатной русской версии до начала нового века, невозможно будет объяснить, почему Нилус получил ее от Сухотина в 1901 году в рукописном виде, а другой издатель ПСМ, Георгий Бутми, утверждает, что «перевод с французского» был сделан 9 декабря 1901 года. Наконец, согласно Де Микелису, заявление Степанова противоречит свидетельству известного журналиста Михаила Меньшикова (1859–1918), который впервые говорит о ПСМ в апреле 1902 года как о «довольно толстой рукописи», несколько списков которой циркулировали в Петербурге. Печатного издания Меньшиков, напротив, не упоминает, поскольку (как полагает Де Микелис) на тот момент его еще не существовало. Еврейский адвокат Генрих Слиозберг (1863–1937) также пишет в своих воспоминаниях, что в 1899 году, еще до того, как ПСМ были напечатаны, они «ходили по рукам» в Петербурге.

Действительно, не найдено ни одного экземпляра ПСМ из тех, что были, по свидетельству Степанова, напечатаны им анонимно в 1897 году. Напротив, время от времени встречаются упоминания об изданиях ПСМ, изготовленных не типографским, а гектографическим или литографическим способом. Лев Тихомиров, ультраправославный монархист и издатель «Московских ведомостей», в январе 1911 года записывает: «Самый документ *[имеются в виду ПСМ. — М. Х.]* ***известен давно. Он появился, в качестве перевода с французского, лет десять тому назад, сначала просто рукописью, затем был издан литографски, затем имел два, если не ошибаемся, печатных издания». На самом деле к тому времени существовало уже более полудюжины печатных изданий ПСМ. Однако что значит само выражение «издан литографски»? Идет***

ли речь здесь о тех же событиях, что описаны Степановым?

… В течение 1936 года Йонак фон Фрейенвальд совершил несколько поездок по Польше, Югославии и Франции для сбора материалов и доказательств. Под Познанью он встретился с Сергеем Сергеевичем Нилусом (1883–1941), сыном издателя ПСМ, который теперь работал управляющим одним из имений. В нотариально заверенном заявлении С. С. Нилус подтвердил, что был свидетелем того, как Алексей Сухотин в июне 1901 года передал рукопись ПСМ его отцу в усадьбе Грачевка Орловской губернии. По его словам, Сухотин признал, что получил рукопись от вдовы одного помещика, обнаружившей ее в письменном столе своего супруга после его смерти. Рукопись была написана по-французски, и С. А. Нилус перевел ее на русский язык для дальнейшей публикации.

В Белграде Йонак фон Фрейенвальд встречался с графом Илларионом Сергеевичем Ланским (1894–1984), поддерживавшим многочисленные контакты в правых и антисемитских кругах русской эмиграции. Ланской был знаком с Филиппом Степановым и дружен с князем Владимиром Владимировичем Голицыным (1887—?), заверившим заявление Степанова в 1927 году. 13 ноября 1934 года Владимир Голицын отдал Ланскому собственное заявление, в котором в основном (хотя и с некоторыми расхождениями) подтвердил все то, что рассказал ему в 1927 году Степанов.

Если верить Голицыну, Алексей Сухотин получил рукопись ПСМ в 1897 году от одной дамы, имя которой он не хотел называть. Рукопись состояла из множества листов и, как он полагал, была привезена из-за границы. По стилю текст был похож скорее на перевод. Сухотин передал рукопись для распространения своему другу Степанову, напечатавшему ее «на правах рукописи»

тиражом несколько сотен экземпляров около 1897 или 1898 года с помощью своего друга Аркадия Келеповского в типографии московского генерал-губернатора. Оригинальную рукопись, а также тираж брошюры Степанов хранил в собственной квартире, один экземпляр брошюры он передал Нилусу, который впоследствии напечатал ее переработанный текст в своей книге 1905 года «Великое в малом». По версии Голицына, противоречащей здесь показаниям Степанова, русскоязычная рукопись попала к Сухотину только в 1897 году. Кроме того, Голицын ничего не говорит о размножении текста ПСМ «на хектографе». Зато мы узнаем, что в 1897 или 1898 году в Москве было напечатано несколько сот экземпляров ПСМ, один из которых Степанов передал Нилусу.

Йонак фон Фрейенвальд разыскал также и князя Голицына, но узнал от него только лишь, что Степанов напечатал брошюру тиражом 200 экземпляров в голубой обложке. С сожалением Йонак замечает, что не смог обнаружить ни одного экземпляра — ни гектографического, ни печатного издания. Супруга Голицына, Вера Филипповна (1885–1954) — дочь Филиппа Степанова (и юношеская любовь Сергея Сергеевича Нилуса), передала Йонаку написанное по-французски письмо, в котором она дословно повторила все то, что ее муж заявил Ланскому 13 ноября 1934 года. Ту же версию Вера Филипповна ранее изложила в письме Николаю Жевахову, еще одному стороннику подлинности ПСМ, который рассказал об этом в свой книге о Нилусе. Здесь, правда, говорилось, что Степанов отдал Нилусу не напечатанную им самим брошюру, а оставленную Сухотиным рукопись на русском языке.

При посредничестве Ланского Йонаку удалось наконец добраться до кузины Алексея Сухотина, Антонии Порфирьевны Маньковской, вдовы адмирала Николая Степановича Маньковского, жившей в Сербии на курорте

Врнячка-Баня. Там 13 декабря 1936 года она рассказала ему под протокол:

Около 1895 года я гостила у своего кузена А[лексея] Н[иколаевича] Сухотина в его поместье Медвежки (станция Чернь) и видела, как рукопись «Протоколов» была переписана его сестрой Верой Николаевной Сухотиной и Ольгой Федоровной Лотиной, урожденной Вишневецкой, моей племянницей. Вера умерла в 1920 году, госпожа Лотина живет теперь в Париже, как и ее сын Василий. Мне также известно, что Филипп Степанов напечатал «Протоколы». Мы часто говорили об этом в России.

Поскольку Вера Сухотина уже в 1920 году умерла в Ростове, Йонак фон Фрейенвальд занялся поисками Ольги Лотиной. Однако почти сразу выяснилось, что у нее случилось «помрачение рассудка», поэтому она живет в лечебнице для умалишенных в Париже и, следовательно, не может давать показания.

Однако обнаружились два других свидетеля, заявивших, что помнят более ранние высказывания Лотиной о происхождении ПСМ. По их словам, в 1897 году близкая родственница Лотиной, скорее всего кузина, и некий полицейский агент-осведомитель вместе напали на одного из возвращавшихся с Первого сионистского конгресса его участников, вероятно, Наума Соколова, оглушили его, похитили бывшие при нем ПСМ и тайно переписали их стенографическим способом. Дальнейшие исследования Ланского показали, что «близкой родственницей» Лотиной могла быть Вера Николаевна Сухотина. Она проживала со своим братом Алексеем Николаевичем в усадьбе Медвежки Тульской губернии, известном месте встреч реакционных политиков и чиновников. Сухотина родилась в 1854 году, во время первого Базельского конгресса ей было 43 года. Ее описывают как патриотку, с интересом к политике и довольно эксцентричным характером;

как полагал Ланской, поэтому ей вполне могли доверить акцию секретной службы.

Итак, подведем промежуточный итог. Три свидетеля (Степанов, Голицын, Маньковская), приходящиеся друг другу родственниками, согласованно заявляют, что в 1895 (или 1897) году в собственности Александра Сухотина находилась написанная по-русски рукопись ПСМ, причем свидетели склонны считать ее переводом. По этой рукописи — в этом свидетели также согласны — Филипп Степанов в 1897 или 1898 году сделал печатное издание. Данные расходятся только по вопросу, кто и в каком виде передал ПСМ Нилусу. Называются имена то Сухотина (Нилус и его сын), то Степанова (Голицыны) (Николай Степанов также заверил в письме в «Welt-Dienst», что Нилусу передал ПСМ именно его отец (в какой редакции — не указано). Нилус прикрывался именем умершего Сухотина, только чтобы защитить Филиппа Степанова. Сын Нилуса затем поддержал эту версию. См.: Степанов — Детлоффу (он же Николай Марков), 15 июня 1936 года // WC/BT 17/21.); речь идет то о рукописи (Нилус и его сын, Голицына по свидетельству Жевахова), то о брошюре, напечатанной Степановым (Голицын, Голицына). Возможно даже предположить, что Нилус получил рукопись от Сухотина, а печатное издание от Степанова. В любом случае похоже, что не позднее 1901 года он стал обладателем этого текста.

Версия, согласно которой русский перевод французского текста ПСМ существовал уже к середине 1890-х годов, подтверждается еще одним, независимым свидетелем. 9 декабря 1934 года русский католический священник византийского обряда и художник Глеб Верховский (1888–1935), живший в Чикаго, обратился в общественную организацию «Американский еврейский комитет» (AJC) с заявлением, данным под присягой. Под влиянием газетных

репортажей о Бернском процессе, он решил сообщить AJC сведения о первом появлении ПСМ в России. В своем заявлении Г. Верховский указал, что он хорошо помнил встречи в 1890-х годах в доме своего отца в Петербурге (Кирочная ул., 34) группы людей, враждебно относившихся к финансовой политике и личности Сергея Витте. В эту группу, во главе которой стоял известный славянофил, специалист по сельскому хозяйству и публицист Сергей Шарапов (1855–1911), входили отец Глеба архитектор Евгений Верховский, экономисты и общественные деятели Павел Оль (1860—?) и Афанасий Васильев (1851–1929), писатель, еврей-выкрест Савелий Эфрон (Литвин, 1849–1925) и Георгий Бутми де Кацман. Этот последний, по словам Верховского, в 1895 году, вскоре после процесса Дрейфуса, отправился в Париж, чтобы установить контакты с французскими антисемитами. Он вернулся в том же году с рукописью на французском языке, которая впоследствии стала известна как ПСМ. С помощью своей жены, Надежды Васильевны, и матери Глеба, Марии Карловны Верховской (урожд. фон Штарк), Бутми стал переводить рукопись на русский. Около 1896 года перевод был закончен и опубликован. Показания Г. Верховского, вновь данные 8 января 1935 года в присутствии Сигмунда Ливингстона (основателя и первого председателя еврейской общественной организации «Антидиффамационная лига»), были обнародованы и частично процитированы в прессе. Сообщение о них было немедленно послано бернским истцам и их экспертам, но те не придали свидетельству чикагского священника особого значения, и оно оказалось полностью забытым.

И эти споры о происхождении «Протоколов сионских мудрецов» не утихают и по сей день.

После революции Филипп Петрович Степанов жил в Югославии (он умер в январе 1933 года в Белграде). Его

сын Николай Филиппович Степанов (псевдоним Н. Свитков, в монашестве Александр) — крупнейший (с мировым именем) православный исследователь масонства.

В 1920 году он вместе с Белой армией покинул Россию. Его ожидали годы странствий — Месопотамия, Индия, Италия, Франция. С 1936 года надолго поселился в Брюсселе. Большую часть своего времени посвящал изучению истории и практики масонства, сотрудничал с монархическими журналами и газетами.

В конце 1920-х — 30-х гг. под псевдонимом «Свитков» (опасаясь за свою жизнь и за судьбу своих близких) выпустил целый ряд фундаментальных работ, среди которых следует особо отметить книги «Великий Восток Франции», «Великая Ложа Франции», «Орден «Человеческое право»«, «Масоны в Харбине», «Масоны в русской эмиграции». В 1953 году был рукоположен в иподиаконы в храме Св. Иова Многострадального, а в декабре 1965 года был пострижен в монашество с именем Александр (в честь св. блгв. князя Александра Невского). Пострижение произошло на Святой Земле в храме Св. Праотец в Хевроне. Здесь же, на Святой Земле, о. Александр и закончил свой путь.

Судьба Ипполита Семеновича Степанова, камчатского ссыльного, была еще более загадочной… Но об этом мы рассказываем в своих книгах о Большерецком бунте 1771 года и бегстве большой группы политических ссыльных (в основном участников масонских заговоров) — Турчанинова, Батурина, Хрущова (Гурьев отказался участвовать в бунте, за что был избит своими «братьями»), Степанова, Панова — которые неожиданно оказались ВСЕ ВМЕСТЕ в нужное время и в нужном месте — организовали бунт в Большерецком остроге, захватили галиот «Святой Петр» и добрались (кто не умер или не погиб в пути) до Китая, а потом и до Парижа и даже Мадагаскара…

Но это уже другая история.

КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡

С. И. ВАХРИН

МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР

Часть VI

БРАТЬЯ СТЕПАНОВЫ

ООО « Свое издательство»
199053, Санкт-Петербург,
ул. Репина, 41
Телефон: (812) 900–21–45
Сайт: isvoe.ru
Почта: editor@isvoe.ru
Заказ № 1915–6
Подписан в печать 04.10.2017
Тираж 100 экз.

Отпечатано в собственной типографии
ООО «Свое издательство»